

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Вахштайн В.С., Назаренко А.П.

**Социология академического мира:
реинституционализация отношений власти и знания**

Москва 2016

Аннотация. Работа посвящена изучению механизмов производства научного знания в современных университетах и других академических институтах. В частности, затрагиваются темы об отношениях между научной и преподавательской деятельностью в российских университетах, стратегиях и тактиках академического сообщества при выполнении исследовательских проектов. Отдельным предметом рассмотрения работы является изучение оценки заявок для получения гранта экспертами научных фондов.

Abstract. The preprint is devoted to the study of mechanisms of the production of scientific knowledge in modern universities and other academic institutions. In particular, it is focused on relationships between scientific and education activities in the contemporary Russian universities, on strategies and tactics of the academic community during the execution of research projects. Additionally, the preprint concerns the study of assessing applications for a grant by experts of the scientific funds.

Вахштайн В.С., директор Центра социологических исследований ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Назаренко Александр Павлович магистрант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2015 год.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1 Университет как место производства научного знания.....	6
2 Механика производства научного знания	23
2.1 Выбор тематики исследования	26
2.2 Производство научного знания	29
2.3 Трансляция научного знания.....	33
3 Экспертиза научного знания.....	38
3.1 Механизм экспертизы	39
3.2 Проблемы оценивания научных заявок.....	41
3.3 Экспертиза научных заявок в российских научных фондах	43
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	54
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	60

ВВЕДЕНИЕ

Задачи, поставленные государством перед университетами и академическими учреждениями, имеют принципиальное значение для стратегического развития системы высшего образования Российской Федерации и науки в целом. Согласно Указу Президента РФ «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» от 7 мая 2012 г. [1] к 2020 году должно быть обеспечено «вхождение не менее пяти российских университетов в первую сотню ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу университетов» (Программа «5-100»), а также добиться увеличения «к 2015 году доли публикаций российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных «Сеть науки» (WEB of Science), до 2,44 процента» (Критерий «2,44») [1]. Озвученные требования получили поддержку общественности и легли в основу мер, предложенных в государственных программах, «Развитие науки и технологий» (2013-2020) [2], «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России за 2014 – 2020 годы» [3].

В связи с этим, можно констатировать, что университеты и академические институции столкнулись с определённым вызовом. Вопросы, связанные с реорганизацией и настройкой системы управления должны быть, если уже не решены, то, по крайней мере, переведены на второй план. Значение приобретает конкретный научный результат, который должны давать вузы и академии. Обоснование этому вполне прагматично: высокие позиции в международных рейтингах обеспечиваются за счёт показателей научно-исследовательской деятельности. Чем успешней университеты и академические структуры увеличивают свой научный, интеллектуальный, символический капиталы в поле науки [4], тем выше престиж государства.

По этой причине, актуальным становится изучение механизмов производства научного знания в академическом мире или, если более конкретно, поиск ответа на вопрос «Каким образом создаётся научное знание?». По преимуществу, большинство исследователей обращает внимание на связь между наукой, как институтом по генерированию идей и фактов, с внешними для неё институциональными средам (поле политики, бизнес структуры, общественность, СМИ). В дисциплинарном регистре отечественной науки изучение этой связи получило название «Науковедение».

В фокусе данного исследования находятся микромеханизмы принятия решений и контроля за их исполнением в институциональных академических средах. Особое внимание уделено анализу механизмов взаимной конвертации знания и власти в современных университетах.

Существует запрос государства на усиление позиций российской науки в мире, поэтому рассмотрение механики производства научного знания становится предметом пристального интереса. Кроме того, в отечественной науке складывается ситуация, когда изучение внутренних механизмов производства знания в академическом мире остаётся на периферии исследовательского внимания и даже если рассматривается, то в рамках науковедческого дискурса, имеющего мало общего с классическими исследованиями по социологии науки, знания и образования. Представленная работа является попыткой разобраться с тем, как внутренне устроен академический мир в России и изучить механику производства научного знания в нём.

1 Университет как место производства научного знания

При всём различии аксиоматических допущений и эпистемологических установок среди авторов, чей фокус направлен на изучение производства знания (социология знания), институциональных факторов системы образования (*institutional education studies*) и динамики академического мира (социология академического мира), общей точкой, где может происходить обмен идеями этих дисциплинарных культур, является университет. Университет для представителей данных областей «есть общая зона пересечения, общий объект (впрочем, совершенно по-разному «выводимый на монитор» укоренёнными в них языками описания)» [5; С. 9].

Отчасти выглядит удивительным тот факт, что при всём интересе к роли и миссии университета в современном мире, существует небольшое количество работ и концептуализаций, затрагивающих тему производства научного знания внутри университета. За это можно упрекнуть социологов науки, которые при всём интересе к этой теме, были больше ориентированы на изучение государственных и частных лабораторий и не видели научно-исследовательские подразделения вузов, в качестве объекта своих этнографических наблюдений. В определённом роде, это упущение не только представителей *science and technology studies*, но и всех тех, кого занимают проблемы генерирования и трансляции научного знания.

Итак, когда говорится об университете, как месте по производству научного знания, то что следует понимать под этим определением? Перед нами не стоит цель досконально углубиться в этот вопрос. Достаточно наметить общие контуры ответа. Для представителей позитивистской и рационалистической традиции ответ будет следующий: не имеет принципиального значения, в каком месте производится научное знание, так как будучи по своей природе универсальными, научные факты могут быть открыты в независимости от рассматриваемого контекста [6]. Иными словами, законы гравитации устанавливаются, как в исследовательской лаборатории, так и супермаркете. Иную точку зрения занимают представители социальных исследований науки. Классической линией рассуждения для них будет указание на то, что продуктивность исследователей напрямую коррелирует с технологизацией их рабочих мест. Чем лучше оборудована лаборатория, тем более достоверное знание производится учёными. Собственно фактор оснащённости позволил ряду лабораторий Европы XIX века стать передовыми научными центрами и опередить менее развитые в технологическом отношении места, где научное знание также генерировалось [7; 8].

Начиная с 70-х годов XX века, происходит настоящий переворот в осмыслении механики производства научного знания. Этнографы отправляются в лаборатории и обнаруживают, что природу знания определяет не только специфика наблюдаемого объекта или теоретические пресуппозиции учёных. Открытие новых фактов во многом зависит от контекстуальных изменчивостей, которые «формируют то, как учёные по-разному интерпретируют данные, проводят эксперименты, и судят об их надёжности» [9; С. 354]. Исследования Б. Латура, Г. Коллинза и К. Кнорр-Цетина предложили новую повестку для изучения института науки [10; 11]. Переворот заключается в том, что следует отойти от рассмотрения науки, как объекта действия разнообразных внешних факторов, и обратить внимание на практики, смыслы, и материальные объекты внутри академического мира. Их смешение образуют уникальную конфигурацию отношений, определяющих исследовательский процесс в лаборатории. Отсюда фокусировка на месте, где производится научное знание, приобретает особое значение.

В более общем смысле, под местом производства научного знания мы будем понимать пространственную локализацию, где осуществляется исследовательская работа, и генерируются научные факты. Университет вполне подходит под это описание. В университете существует сопричастие людей, инструментов, образцов и инструкции [12]. Рассмотрению вузов, как мест по производству научного знания, будет посвящён данный раздел научно-исследовательской работы.

Дискуссия о совместимости науки и образования в университете существует с начала XIX века. Для одних, идея высшего образования основывается на расширении индивидуального разума, формировании общей культуры человека, а наука «в прямом смысле слова, т.е. научное исследование, не является прямой и базовой функцией университета, и без особой причины и не должна являться таковой» [13]. Слова Ортеги-и-Гассета имеют веберовские мотивы и были обращены к студентам Мадрида, с целью показать, как выхолащивается классическое представление об университете под давлением индустриализации, темп и ритм которой задаёт именно наука. Иную точку зрения предлагает Карл Ясперс: «Университет требует три вещи: обучение специальным профессиям, образование (воспитание), исследование» [14]. В таком понимании культурная составляющая высшего образования равноценна другим его элементам - профессионализации и науке. Напряжение между наукой и образованием, в столкновении позиций Ортеги-и-Гассета и Ясперса, имеет концептуальный характер и *par excellence* вносит вклад в продолжение дебатов о роли и миссии университета в современном мире.

Обозначенное напряжение появляется в институциональных исследованиях высшего образования и рассматривается через комплементарный и антагонистический подходы. Согласно первому, университетское образование и наука вступают в симбиотические отношения, что позволяет вузу отличать себя от других образовательных и научных институций [15; 16]. При этом авторы не исключают, что союз науки и образования требует дополнительной концептуальной и методологической ясности [17; 18], к примеру, в контексте ценностей и норм, которыми руководствуются сотрудники университетов в своей образовательной и исследовательской деятельности.

Сторонники антагонистического подхода считают, что их симбиоз приводит к резкому снижению качества преподавания и исследовательской работы [19]. Основная проблема здесь заключена в асимметрии при распределении часов на учебную и исследовательскую нагрузку [20]. Хороший лектор тратит большую часть времени на подготовку к занятиям, что не позволяет ему добиваться высоких научных результатов. Отсюда возникают предложения провести чёткую границу между теми, кто учит, и теми, кто исследует. Первые должны быть в университетах, вторые – в исследовательских институтах [21].

Объяснение существующего напряжения между наукой и образованием в университете предлагает Бертон Кларк [22]. Примерно с середины 70-х гг. XX века происходит массовизация высшего образования. Это во многом связано с социально-экономической ситуацией в развитых странах, где на смену установки воспитать культурно развитую личность, приходит ориентация на подготовку высококвалифицированных специалистов [23]. Их обучение должно вестись по стандартизированным учебным программам, содержание которых представляет систему кодифицированного знания. Второй тренд – переход от простого знания к комплексному. Производство знания в пределах определённой дисциплинарной локации, считает Кларк, начинает сталкиваться с эпистемологическими и методологическими сложностями. В результате, учёные вынуждены перемещать свою исследовательскую проблематику в пограничные области, где соприкасаются различные дисциплины, а также вступать в коллаборацию с внеуниверситетскими структурами для реализации исследовательских проектов. Говоря на языке социологии знания, этот тренд позволяет провести различие между двумя режимами производства знания: Mode 1 и Mode 2. Где первый характеризуется гомогенностью, иерархией структур и конвенциональными правилами проведения исследования, тогда

как второму атрибутируется трансдисциплинарность, гетерогенность и способность воплощаться в контексте применения [24; С. 2-3].

Кларк предлагает целиком экстерналистское объяснение сегрегации науки и образования в университете, указывая, что оба тренда являются следствиями от реализации концепции «устойчивого роста». Изменения в отношениях двух направлений деятельности университета вызваны действием внешних детерминант высшего образования (политических, экономических, социальных). Такая объяснительная модель работает по принципу «чёрного ящика». Массовизация высшего образования и изменение режима производства знания (input) привели к тому, что образование и наука в университете вступили в контрадикторные отношения (output). Проблема заключается в том, что Кларк, как и многие исследователи высшего образования, не открывает ящик, чтобы показать, как его внутренние процессы определяют наблюдаемый результат.

Цель данной работы раскрыть причину напряжения между образованием и наукой с точки зрения учебной и исследовательской деятельности внутри современного российского университета. Мы предлагаем открыть «чёрный ящик» институциональных исследований высшего образования и сделать видимым фундаментальный раскол между двумя экзистенциальными логиками университета.

Идея комплементарности науки и образования берёт своё начало в гумбольдтовском проекте устройства Берлинского университета [25]. «Образование через науку» наравне со свободами профессоров преподавать и исследовать, распоряжаться рабочим временем на своё усмотрение – стали отличительными признаками того, что сейчас называется классической моделью немецкого высшего образования. Юрген Миттельштрасс указывает [26], что основной принцип проекта, «уединение и свобода», изначально был сформулирован для самоопределения нового учреждения, которое, как планировалось, должно быть выше типичных немецких университетов начала XIX века по своему статусу и роду деятельности, а также находится вдали от академии, с её девизом «*theoria cum praxi*». Однако прагматичные соображения не позволили полностью воплотить идею в жизнь: «Гумбольдт очень скоро обнаружил, что совершенно новый образовательный институт имеет больше (политических) шансов, если будет учреждён всё-таки как университет, а не в противовес университетам» [26; С. 110].

Какие преимущества дают друг другу наука и образование в модели Гумбольдта? Университет – это не место, где транслируется от профессора к студенту

набор общепринятых утверждений подобно тому, как это происходило в аудиториях средневековых университетов. Нет фактов и идей, которые нельзя проблематизировать. Поэтому задача лектора: подвергнуть критическому рассмотрению корпус научного знания и показать существующие в нём пробелы. Задача слушателей – сформировать понимание и попытаться найти решение актуализированной проблемы. Исследование является коллективным предприятием, где профессор и студент совместно занимаются поиском истины. Оба придерживаются принципа, что «наука есть нечто ещё не до конца найденное и никогда не могущее быть до конца найденным, и что её как таковую следует беспрестанно разыскивать» [27; С.8]. В совместной работе, студент получает возможность прикоснуться к новым идеям учителя, расширить свою учёность и быть вовлечённым в исследовательский процесс. Профессор, в свою очередь, сталкивается с неожиданными вопросами и замечаниями насчёт полученных научных результатов, приобретает дополнительные человеческие ресурсы для дальнейших исследований, формирует научную школу. В этом отношении хорошей иллюстрацией будет история немецкого химика Юстоса Либиха. Первоначально его лаборатория в университете Гисена выполняла чисто образовательную функцию. Будучи человеком амбициозным и, в классическом мертоновском смысле, желающим опередить конкурентов из других лабораторий, Либих стал активно привлекать к исследованию интересующих его проблем студентов. Фредерик Холмс пишет по этому поводу следующее: «Команда Либиха состояла из большого количества талантливых студентов, для которых он мог проводить экспериментальные проекты, полезных как для их обучения, так и для его интересов, что давало ему возможность совершать новые научные открытия с быстротой, которую тяжело было достигнуть конкурентам, работающим в одиночку, или только с несколькими студентами» [28; С. 162 - 163].

Потребовалось время, чтобы проект Гумбольдта окончательно оформился и претворился в жизнь. Примерно с начала 30-х гг. XIX в. и до 1933 года можно говорить о расцвете немецкой науки, в которой решающую роль сыграли университетские исследователи. Затем происходит череда событий навсегда похоронивших идею Гумбольдта и заставивших говорить о том, что университет, где наука и образование дополняют друг друга, попросту является мифом [21; 29; 30; 31]. В исторической перспективе этому способствовало три причины.

Во-первых, скепсис в отношении модели был связан с приходом к власти национал-социалистов. Парадоксально, но факт, немецкие университеты больше века декларировали принципы академических свобод, но за очень короткое время, почти без

сопротивления приняли установления государства насчёт кадровой [32] и исследовательской политики [33]. Как полагают историки, причину следует искать в феномене «мандаринизма» немецких университетов [34]. Его суть в том, что, несмотря на наличие академических свобод в вузах, профессорский состав формировался государством. Профессура оказалась вписанной в систему государственного управления, что налагало на неё определённые обязательства по идеологической поддержке сложившейся политической ситуации.

Своё видение «сдачи академических свобод» университетами предлагает Г. Шнедельбах. Он отсылает к Мюнхенской лекции Макса Вебера [35] в которой отмечается превращение университетов в «государственно-капиталистические» предприятия. Это привело к расколу между университетской наукой и образованием. Наука стала не более чем машиной по производству полезного знания, тогда как образование свелось к идеологии [27; С. 11]. Как итог, по мысли Шнедельбаха, немецкое образование стало крайне формализованным, что лишило сил немецкую культуру сопротивляться национал-социализму.

Ещё одним историческим событием, усилившим скепсис, стало противоборство за военно-техническое превосходство между СССР и США. Здесь примечательно то, что идея Гумбольдта получила новое продолжение на американской почве. Исследовательские университеты в США образуются с 70-х гг. XIX века (Более подробно о развитии исследовательских университетов США в первой половине XX в. См.: [36]), но именно период «Холодной войны» позволил им стать «фабриками знания» и занять страту наиболее престижных университетов мира [37]. В гонке технологий и вооружений государств, университеты производили наукоёмкие продукты для правительства США, тем самым легитимируя своё существование в глазах общественности¹. В результате образ чистой науки, для которой знание имеет самодостаточную ценность, постепенно тускнеет. Если оставить за скобками исследовательские университеты, то для большинства вузов США образовательный процесс имел определённую цель: обеспечить передачу основных знаний и навыков по конкретной профессии и подготовить квалифицированного специалиста. Коротко резюмируя, гумбольдтовский идеал высшего образования прижился в американской университетской среде, но при этом претерпел ряд трансформаций. Прежде всего, это

¹ В СССР наука, как правило, была сосредоточена в академии. Исключениями можно назвать Московский и Ленинградский государственный университеты, которые во многом сосредотачивались на фундаментальных и прикладных исследованиях, или Новосибирский государственный университет, проводивший исследования в коллаборации с Сибирским отделением Академии наук. [38; С.33].

касается понимания научного знания, как применимого, полезного для государственных структур. Образование рассматривается как способ производства учёных в исследовательских университетах, но для большинства других учебных заведений – это система подготовки профессионалов. Сейчас вполне уверенно можно говорить, что гумбольдтовская модель есть ярлык, маркирующий деятельность передовых исследовательских университетов США.

Наконец, третьей причиной стал дискурс, возникший вокруг программы устойчивого развития. Собственно, на это обращает внимание Кларк, когда говорит о массовизации образования и переходе к поиску трансдисциплинарных решений научных проблем. С момента образования Римского клуба в 1968 г. и выхода его докладов [39], актуализируется обсуждение вопросов экологической безопасности, регионального развития, бедности *etc.* Новая повестка глобальных проблем приводит к ещё большей дивергенции образования и науки в университетах. Первое должно стать доступным и не быть роскошью высших слоёв населения [40]. От науки, с другой стороны, требуется оперативно отвечать на возникающие социально-экономические и экологические вызовы.

Таким образом, идеалы немецкого классического университета либо приобрели новое звучание в национальных контекстах, либо были низвергнуты требованиями рынка труда или запросами государства. Череда исторических событий привела к тому, что принцип «образование через науку» деформировался из-за скепсиса в отношении гумбольдтовской модели. Для большинства учебных заведений к концу XX века стало актуальным говорить «наука и образование» и «наука или образование». Изучение этих двух модусов отношений может быть предметом отдельного обсуждения. Такие попытки уже существуют, в частности, через использование пространственной метафоры [29]. Мы предлагаем сделать акцент на другом. Изменения в институциональных средах университета привели к формированию в нём двух экзистенциальных логик. Их экспозиции будет посвящён следующий раздел.

Изменения в институциональных средах поставили перед университетами дилемму: как совместить образовательный и исследовательский компоненты, если оба выстраиваются на различных основаниях. От университетского образования требуется быть качественным и доступным, при этом удовлетворять спрос рынка труда квалифицированными специалистами. С другой стороны, исследования в университетах должны производить надёжное, применимое и полезное знание. Это подводит к основному тезису работы. Наблюдаемое напряжение между образованием и

наукой связано с двумя экзистенциальными логиками университета: быть совершенным образовательным учреждением («эффективность») и одновременно местом по производству научного знания («истина»). Рассмотрим каждую из них более подробно.

В работе «Университет в руинах» Бил Ридингс отмечает переход от университета, как средства идеологического господства государства, к бюрократической корпорации [41]. Это знаменует собой исчезновение любых политических и культурных обрамлений из идеи университета. Значение для вузов приобретает идеология «совершенства»: «Будучи нерепрезентативной единицей ценности, функционирующей целиком внутри системы, совершенство обозначает лишь момент саморефлексии технологии. Системе нужно только то, что позволит ей осуществлять свою деятельность, и пустое понятие совершенства отсылает исключительно к оптимальной пропорции входящей/ исходящей информации» [41; С. 65]. Здесь следует сделать поправку на то, что Ридингс соотносит свои заключения с Атлантической системой высшего образования². Для Континентальной системы, в которой высшее образование тесно сопряжено с протекцией государства, вывод о наличии идеологии совершенства будет верен лишь наполовину, поскольку при движении по пути бюрократизации, предсказанной Ридингсом, университеты по-прежнему поддерживают социально-политический порядок [43]. Тем не менее, на наш взгляд, автор интуитивно прав: в современных университетах имплицитно содержится установка на совершенство, что выражается в желании стать эффективными образовательными учреждениями.

Эффективность университета – это не что-то эфемерное или смутное. Она объективируется в количественных показателях и фиксируется в различных рейтингах университетов. Показатели собираются и сверяются контролирующими инстанциями (внутриуниверситетскими подразделениями, региональными и национальными государственными структурами). Их цель поддерживать жизнеспособность логики, путём внедрения регулятивных мер, и расширять её экспансию на все направления деятельности университета. Что значит быть эффективным образовательным учреждением?

Понимание эффективности зависит от масштаба рассмотрения. На организационном уровне, эффективный вуз в своей образовательной деятельности

² О различии между Атлантической и Континентальной системой высшего образования см.: [42].

должен иметь высокие показатели в рейтингах университетов по таким параметрам, как уровень заработной платы выпускников и удовлетворённость их компетенциями работодателями; количеству привлечённых «звёздных профессоров» и иностранных студентов, образовательных программ на иностранном языке и программ в сотрудничестве с другими университетами [38; 44; 45; 46]. На уровне структурных подразделений (факультетов, департаментов, институтов) иметь хороший конкурс абитуриентов на направления подготовки; низкий процент отсева и высокий процент устроившихся на работу по специальности студентов; разработка новых учебных курсов и образовательных программ *etc* [47; 48; 49]. Наконец, для преподавательского состава: ведением занятий на профессиональном уровне, низким процентом неуспевающих по курсу, положительными отзывами от студентов [50; 51; 52].

Каждый из параметров определяется логикой эффективности. Считается, что если преподаватель будет совершенствовать свои компетенции, то студенты будут ходить на его занятия и демонстрировать высокую успеваемость, а университет, как их *alma mater*, может рассчитывать в будущем на положительные отзывы работодателей, тем самым повышая свой престиж. Иными словами, три уровня в определённой степени связаны. Эффективность выполняемых задач на одном предопределяет эффективность на остальных.

Быть эффективным для университета – значит, конвертировать государственные и частные ассигнования в конкретный образовательный результат. Аргументом вузов о его достижении является апелляция к количественным показателям.

В отличие от образовательной, исследовательская деятельность подчиняется логике истины. С социологической точки зрения, рассматриваем ли мы университет или академический институт, принято считать, что исследователи руководствуются в работе особым этосом. Настоящий учёный не забракует интересную идею коллеги, потому что тот еврей по национальности, он не ограничит распространение полученных результатов академическим журналом, где является главным редактором, этот исследователь не станет научным руководителем аспиранта за месяц до защиты из-за острой необходимости избраться профессором на очередной срок, также как и не станет писать благосклонную рецензию на диссертацию соискателя, которого ведёт сосед по дачному кооперативу. Универсализм, коммунизм (общедоступность), незаинтересованность и организованный скептицизм – четыре набора институциональных императивов, которым, по Мёртону, руководствуются учёные ради «приумножения достоверного знания».

Концепция Мёртона во многом утопична и не соответствует реальному положению дел в науке с её аргументативными играми [53], тактиками по «разоружению» противников [54]. Майкл Малкей показал, что поведенческие паттерны учёных изменяются в соответствии с динамикой интеракции между ними. Скорее, представители мира науки подобны «игрокам в шахматы», которые через риторические и политические ходы обставляют соперников, а не честным труженикам на ниве производства знания. Картина, которую рисует Мёртон, статична. В ней содержится идеальный образ человека, оставившего собственные интересы ради борьбы с сопротивлением внешнего мира. Экзистенциальная логика истины тоже идеальна. Мертонианское понимание науки позволяет выразить её в понятных терминах.

Дифференциация по уровням организации, как в случае с эффективностью, не применима к логике истины, так как за научными открытиями стоят конкретные люди или, чаще всего, исследовательские коллективы. Университет и его структурные подразделения могут создавать возможности для исследовательской работы путём гарантии академической свободы. Для большего они не требуются. Выбор исследовательской проблематики, распределение ресурсов, сам исследовательский процесс целиком прерогатива учёных. Посторонним здесь не место. Любые попытки вмешательства расцениваются, как прямая угроза объективности проводимого исследования и его результатов.

Полученное знание необходимо распространить среди коллег. Статус истинного требует оценки со стороны научного сообщества. Пространство, где циркулируют научные факты и идеи, суждения учёных о работе друг друга, Коллинз и Тревис называют конститутивным форумом: «охватывает научное теоретизирование и экспериментирование вместе с соответствующими публикациями и критическими дискуссиями в научных журналах и, возможно, на официальных конференциях» [55; С. 239 - 240]. На конститутивном форуме возникает противоборство утверждений и поиск союзников. Учёные стремятся расширить охват тех, кто может вынести вердикт о состоятельности транслируемых результатов. Чем больше сторонников удастся привлечь, тем больше произведённое знание претендует на истинность.

Быть местом, где ищут истину, подразумевает для университета располагать учёными, разделяющими основные принципы этого мероприятия. Логика истины центрируется на производстве знания. Вопрос о приобщении к научному открытию учащихся слишком мелок по сравнению с новыми исследовательскими проблемами, которые оно ставит.

Проведённое различие описывает логику эффективности и логику истины без какой-либо связи друг с другом. Такая «чистота форм» позволяет более чётко раскрыть их базовые принципы. Образовательная деятельность университета сопряжена с эффективностью, тогда как исследовательская с поиском истины. Для первой характерно количественное измерение, ориентация на показатели. Логика эффективности пронизывает все три организационных уровня современного университета. В противоположность этому, наука полагается на этические императивы. Они регламентируют поведенческие паттерны исследователей в их усилиях по генерированию достоверного знания.

Если бы две логики существовали автономно, то отношения между образованием и наукой не испытывали напряжения. Однако в современном университете, от которого требуется одновременно быть образовательным и исследовательским центром, это невозможно. Проблемы возникают, когда две логики начинают сталкиваться. В следующем разделе, на примере российских университетов, предлагается более подробно рассмотреть конфликт экзистенциальных логик и определить несколько вытекающих из него следствий.

Напряжение между образованием и наукой в университете по существу является «вершиной айсберга». Оно лежит на поверхности и находится в центре внимания институциональных исследований высшего образования. Глубинные процессы, выступающие первопричиной наблюдаемой проблемы, по большей части не затрагиваются. На наш взгляд, столкновение двух логик существования университета – эффективности и истины – ставит под вопрос симбиоз отношений между образованием и наукой.

Логика эффективности получила широкое распространение в образовательной деятельности российских университетов вследствие реформирования системы высшего образования. Национальный проект «Образование», внедрение двухуровневой системы обучения, укрупнение вузов, дифференциация их по критериям «эффективный – неэффективный» и другие инициативы государства были направлены на то, чтобы учебный процесс в вузах стал более совершенным, соответствующим экономической ситуации в стране и мире. Государственные меры сделали логику эффективности жизнеспособной [56; 57; 58] и обеспечили экспансию её принципов на другие сферы деятельности университета, в первую очередь, в область научных исследований.

Объективировать в числовых показателях университетскую науку было резонно по причине ориентации государства на вузовские рейтинги, особенно международные

(Times Higher Education, ARWU, QS), где основной акцент делается на индикаторы исследовательской продуктивности [59]: количество статей в журналах, индексируемых в библиографических и реферативных базах Scopus и Web of Science; объём финансирования на проведение НИОКР от государственных и коммерческих структур (научные фонды, федерально-целевые программы, частные заказы); объём коммерциализации исследовательских разработок (продажа патентов, консалтинг, хозрасчётные договоры). Помимо соображений о повышении престижа национальной системы высшего образования, реформирование было направлено на разработку системы оценивания научно-исследовательской продуктивности университетов, исходя из количества перечисленных государством денежных ассигнований на её развитие. Экспансия логики эффективности привела к тому, что университетские исследования, как и образовательный процесс, начинают измеряться с точки зрения конкретных результатов вне контекста того значения, что они несут для науки *per se*.

В результате, образование и наука в университете начинают оцениваться по одному принципу. Если эффективный образовательный процесс измеряется количеством выпускников, устроившихся на высокооплачиваемую работу по специальности, то исследовательская деятельность количеством аспирантов, защитившихся в срок. Сформулируем более чётко: принципы, на которых строится логика эффективности в образовательном процессе университета, переносятся на науку, подменяя и редуцируя принципы логики истины (предоставление академической автономии, производство достоверного знания, расширение пространства научного дискурса).

Ситуация осложняется тем, что за конкретными научными открытиями стоят определённые учёные или исследовательские коллективы. Поэтому запрос «быть эффективными» пока идёт до них, как минимум, усиливается в три раза. Государство требует, чтобы статьи университетских исследователей попадали в высоко цитируемые международные журналы («Программа 5-100»), руководство вузов соотносит эффективность научной работы с материальными надбавками («Эффективный контракт»); кафедры, факультеты, департаменты формулируют повестку эффективности для исследователей по причине своего выживания в череде оптимизаций и реструктуризаций.

Экспансия приводит к нескольким следствиям. Первое – это недовольство преподавателей вузов требованиями быть одинаково эффективными в образовательной и исследовательской деятельности. Камнем преткновения становится распределение

нагрузки на преподавание и вторую половину дня, когда, согласно логике эффективности, должны писаться заявки в научные фонды, статьи, проводиться исследования. В российских университетах наблюдается отчётливая тенденция к увеличению учебных часов и сокращению времени на исследовательскую работу: «Проблема номер один – время. При имеющейся учебной нагрузке и какой-то совершенно безудержной шизофренической бумажной отчётности, планирования и так далее, заниматься наукой попросту времени нет»³. Отсюда возникает напряжение между образованием и исследованием в университете, на которое указывают представители антагонистического подхода институциональных исследований высшего образования [20; 21].

Второе следствие имеет более фундаментальный характер. Сильное редуцирование логики истины эффективностью приводит к неразличимости в академическом мире того или иного университета, как «фабрики научного знания». Для подтверждения этого тезиса обратимся к кейсу САФУ имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск)⁴.

Согласно данным РИНЦ, на 1 августа 2015 г. за период 2010 - 2014 гг. авторы, указавшие аффилиацию с САФУ, опубликовали 5430 материалов: 1703 материала (2014 г.), 990 (2013 г.), 1108 (2012 г.), 906 (2011 г.), 723 (2010 г.)⁵. Всего САФУ представлен в 969 научных журналах. Мы отобрали издания, где сотрудники университета публикуются наиболее часто. Среди всех статей за 2010-2014 гг. (3491), 1562 были опубликованы в 22 журналах. Их можно разделить на две группы: 1. Журналы издательства САФУ; 2. Журналы не аффилированные с университетом. В журналах первой группы опубликовано 1058 статей; второй – 504.

Следуя логике эффективности, сотрудники университета пишут научные статьи в большом количестве. Проблема в том, что научный дискурс САФУ на

³ Использованы данные 18 экспертных интервью. В число экспертов вошли университетские исследователи, активно участвующие в научно-проектной деятельности в качестве руководителей и исполнителей по грантам Президента РФ, РФФИ и РГНФ.

⁴ САФУ имени М.В. Ломоносова был образован 2 апреля 2010 г. в Архангельске в соответствии с Распоряжением Правительства РФ № 502-р. Подобно другим федеральным университетам, у САФУ есть миссия. Вуз нацелен готовить высококвалифицированных специалистов, обеспечивать научное сопровождение стратегических проектов (добыча углеводородов на шельфе Баренцева моря, активизация транспортного потока по Северному морскому пути и железнодорожного сообщения по Белкомуру), создавать сети сотрудничества с бизнес-сообществом регионов СЗФО.

⁵ Исследование включало наукометрический анализ публикационной активности сотрудников САФУ за 2010-2014 гг.: количество статей; область знания; журналы, в которых чаще публикуют статьи сотрудники САФУ, показатели их цитируемости; публикации в иностранных журналах. Полученная информация дополнялась сведениями из отчётной документации о научно-исследовательской деятельности университета.

конститутивном форуме [55] ограничен, в основном, научными изданиями университета или сторонними журналами, но с низким импакт-фактором. Производимое знание не транслируется в журналы других институций, не расширяет охват тех, кто может вынести вердикт о его научности и стать единомышленниками автора. Отсюда мертонианские основания логики истины об общедоступности научного знания и организованном скептицизме нивелируются. В итоге, различимость университета, как места по производству знания, в отечественной и международной научной среде исчезает. С другой стороны, в языке логики эффективности, принципиальным будет неправильно говорить об отсутствии науки в САФУ, так как научные статьи пишутся и публикуются сотрудниками с регулярной периодичностью.

В образовательном компоненте, который изначально был детерминирован логикой эффективности, САФУ выстраивает взаимодействие с регионом через определённую коммуникативную рамку, основной логикой которой является идея эффективности. Университет генерирует дискурс о востребованности своих выпускников на рынке труда для судостроения и оборонно-промышленного комплекса [60] или нефтегазовых месторождений [61], о наполнении компаний квалифицированными работниками, об обеспечении государства необходимыми специалистами для выполнения экономических и социальных задач в Арктической зоне. За пять лет существования университет открыл 356 образовательных программ бакалавриата и 99 программ магистратуры⁶, ввёл дистанционные курсы обучения, и произвёл ряд усовершенствований образовательных стандартов⁷. Тесное сотрудничество с крупными компаниями и предприятиями Европейского Севера делает САФУ одним из главных игроков на рынке образовательных услуг в этом регионе. Следование логике эффективности позволяет ему обосновывать своё существование перед семьями потенциальных абитуриентов, предпринимателями, государством. В этом отношении университету близка политика многих вузов Атлантической системы высшего образования с её акцентом на борьбу за абитуриентов, коллаборацию с промышленным сектором [40; 44].

⁶ Расчёт проводился по состоянию на 15 сентября 2015 г. Данные были собраны с помощью учёта основных образовательных программ с аннотациями, размещённых на официальном сайте САФУ имени М.В. Ломоносова (<http://narfu.ru/studies/speciality/>).

⁷ Согласно ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (Глава II, Ст. 5) федеральные университеты имеют право «реализовывать образовательные программы высшего профессионального и послевузовского профессионального образования на основе образовательных стандартов и требований, устанавливаемых ими самостоятельно» [62].

Экспансия логики эффективности из образовательной в исследовательскую деятельность университета приводит к снижению значения логики истины. В этом контексте будет уместно привести рассуждение одного из информантов насчёт своей публикационной активности: «Речь не идёт о публикациях в Scopus или Web of Science. Необходимо иметь хоть какие-то ежесеместровые, ежегодные публикации, желательно несколько – их нужно клепать просто, чтобы отвязались. То есть такой вот полуфабрикат. Он выходит умышленно в изданиях, которые не читаются здравомыслящими людьми. Это для статистики». На уровне конкретных сотрудников – экспансия приводит к напряжению между преподаванием и исследованиями. Последние начинают выступать лишь придатком образовательной нагрузки преподавателя, «хобби», которое становится актуальным при заполнении табеля о стимулирующей надбавке или документации для избрания на очередной срок: «Мой опыт работы показывает, что многие начинают задумываться о науке в тот момент, когда подходит к концу трудовой контракт с университетом. Точнее не так, они не начинают заниматься исследовательским поиском, скорее, они ищут хоть какие-то публикации: главу в учебнике, публикацию доклада на круглом столе. Что-нибудь, что позволит избраться».

В более широкой перспективе следствием экспансии является неразличимость исследовательской деятельности университета в научном пространстве на фоне совершенствования образовательного процесса, что подспудно ставит вопрос об уместности научной деятельности в части российских университетов.

Насколько бы логика эффективности не стремилась расширить экспансию, в университете остаётся режим микросопротивления, для которого характерно «исполнение правил таким образом, чтобы их результат был прямо противоположен изначально заданному вектору» [63]. В основном, его поддерживают исследовательские центры, лаборатории во главе с авторитетным в академических кругах учёным. Вокруг него группируются единомышленники, которые стараются следовать принципам логики истины. Руководитель центра может вообще обходиться без преподавательской нагрузки. Его ученики, следуя модели Гумбольдта, могут вести два-три спецкурса для апробации научных результатов и обращения талантливых студентов «в свою веру». Для среднестатистического университета России такие сотрудники настоящие «сепаратисты». Они не пишут УМКД и рабочие программы, а если и пишут, то делают это с нарушением временных сроков, неправильным оформлением списка источников, отступа, шрифта. Вариации сопротивления

возможны разные. Принципы логики эффективности в таких случаях обращаются против неё самой. Главное, чтобы документы были на кафедре и выложены на сетевой платформе университета, смотреть их вряд ли кто будет.

Существует другой сценарий. Исследователи, для которых поиск истины имеет значение, способны не только скрыто сопротивляться эффективности, но и вторгаться в её «святая святых» - образовательный процесс. Показательным в этом отношении является ситуация с магистратурой в большинстве вузов. Учёный приходит в аудиторию магистрантов с надеждой заинтересовать своими лекциями и, по возможности, привлечь к науке. Читает курс, по итогам которого планируется написание исследовательской работы. Но по ходу ведения дисциплины возникают неожиданные проблемы. Часть студентов вообще не посещают занятия, часть не готовится к семинарам или готовится по учебникам [64; 65]. Постепенно выясняется, что большинство магистрантов решили связать свою жизнь с университетом ещё на два года, так как есть возможность получить дополнительные денежные средства в виде стипендии, пожить в общежитии и, наконец-то, определиться с трудоустройством [66]. Более того, некоторые не видят ничего страшного в том, что не подготовят магистерскую диссертацию к концу обучения, ведь диплом о высшем образовании уже есть. Апофеозом всего становится дедлайн итогового исследования по курсу. Из двенадцати магистрантов только двое сдали работы в срок, причём, этот труд представляет собой реферативное изложение учебных материалов. Наш учёный, примеривший роль преподавателя, начинает осознавать всю бессмысленность своих интенций привить студентам принципы логики истины – провести концептуально и методологически выверенное исследование в рамках курса: «Собственно в чём проблема? Мне нужна нагрузка, им – время занять себя. О науке поговорим как-нибудь потом», - комментирует ситуацию информант.

Приведённый сюжет не редкость для российских университетов⁸. Особенно на социально-гуманитарных направлениях подготовки. Он показывает, как логика истины, пытаясь распространить свои принципы на образование, сталкивается с рядом

⁸ Пример отражает актуальные проблемы, связанные с подготовкой магистров в российской системе высшего образования. Так, многими экспертами открыто поднимается тема профанации магистерских программ [64; 65; 67]. Власть тоже не остаётся в стороне, из заявления министра образования и науки РФ Дмитрия Ливанова: «Не надо бороться за 1–2 место в магистратуре. Если нет условий для качественной реализации программ магистратуры и аспирантуры, то писать нам письма, в том числе привлекая к своей поддержке руководителей регионов, бессмысленно. Все ресурсы, необходимые для повышения качества этих образовательных ступеней были в ваших руках 4–5 лет назад. Кто-то ими воспользовался, кто-то нет. Это было ваше решение. Теперь надо спокойно работать, нацеливаясь на новые задачи» [69].

студенческих стратегий: минимизация усилий (легче учиться, чем найти работу); получение экономической выгоды (стипендии); решение «жилищного вопроса» (место в общежитии); отсрочка от самостоятельной жизни (возможность поучиться ещё два года). Массовизация высшего образования, о которой говорят Кларк и другие исследователи, сделала своё дело. Любые попытки пробудить энтузиазм к научному предприятию сталкиваются с реальными стратегиями студентов (и, возможно, преподавателей), которые разрушают её. Описанным выше магистрантам нужно два года отсрочки от взрослой жизни и пару практических навыков (освоить пакет SPSS, научиться телефонным продажам и т.п.). Производство знания, не говоря уже о генерировании интересной идеи – вещи бесполезные для реальной жизни. Как итог, мы наблюдаем под обёрткой магистратуры новую форму специалитета по формуле «4+2»⁹. Шансы логики истины выйти за пределы исследовательских коллективов и стать рядоположенной логике эффективности в образовательном процессе в большинстве российских университетов минимальны.

Мы начали с того, что проблематизировали объяснительную модель напряжения между образованием и наукой, предлагаемой Б. Кларком. Делая акцент на внешних детерминантах, она не позволяет рассмотреть внутренние, обусловленные экзистенцией самого университета, причины напряжения. Отчасти появление экстерналистских объяснений дивергенции образования и науки связано с упадком и превращением в миф гумбольдтовской идеи университета. В силу исторических причин, стало проблематично говорить об университете, который расширяет разум студентов, прививает им культурные основы и при этом ориентирует на незаинтересованный поиск истины под руководством политически нейтрального профессора.

Базовый принцип гумбольдтовской модели «образование через науку» окончательно раскололся, что стало следствием столкновения двух экзистенциальных логик современного университета: быть эффективным образовательным учреждением и, в тоже время, местом, где занимаются поиском истины. Их противоборство становится хорошо видимым в российских вузах. В этой борьбе на данный момент счёт не в пользу истины. Михаил Маяцкий по этому поводу замечает: «переформатирование всего учебного и научного процесса под эгидой «отличия» - или «превосходства», или

⁹ Из разговора с коллегой: «Скажите, почему слушатели на парах переписывают Вашу монографию, может подключить магистрантов к изучению тех исследовательских вопросов, которые поднимаются в этой работе? – Молодой человек, у нас магистратура - это заочное образование. Те, кто что-то не успел на бакалавриате, восполняют пробелы здесь».

«совершенства» (excellence) – опасно сблизило миры университета и фирмы, ознаменовав победу менеджерского духа на духом исследования и учёбы» [69].

Дальнейшая диспозиция двух логик зависит от изменений во внешних институциональных средах российского университета. Предложения ослабить экспансию эффективности и усилить сопротивления истины, безусловно, важная задача для заинтересованных в развитии национальной системы высшего образования. Однако ситуация складывается так, как складывается. Поэтому любые рекомендации и аналитические записки на тему того, как ослабить бюрократию, обеспечить качественный образовательный процесс и улучшить позиции университетской науки, получают силу действия, когда изменятся внешние детерминанты существования вузов. Для нас изучение столкновения эффективности и истины, представляет интерес в другом. Их противоборство даёт возможность описать внутриуниверситетскую жизнь из перспективы микросоциологии. Говорим ли мы об экспансии эффективности из образовательной деятельности университета в исследовательскую, или о сопротивлении её принципам, на наш взгляд, обратить внимание стоит на тактики и стратегии, которые позволяют адептам эффективности доминировать, а искателям истины выстраивать оборону и даже периодически вести «подрывную деятельность» на оккупированной территории. Определенно интригующим выглядит переход от вопроса «Как заниматься наукой в университете, если нужно выполнять большие объёмы учебной нагрузки?» к вопросу «Как удаётся быть одинаково успешным преподавателем и учёным, когда логика эффективности является доминирующей?».

2 Механика производства научного знания

Тематика производства научного знания получила распространение с 70-х гг. XX века. Работы, так называемой, постмертонианской волны исследований науки и технологий (или их ещё называют исследования «второй волны») показали, что понимание процессов производства и трансляции научного знания является неполным, если фокус проблематизации направлен на социально-политический контекст, в котором институт науки существует [70; 71; 72]. Бесспорно, социальная стратификация, политические режимы и экономическая ситуация в национальных государствах влияют на темп и ритм развития науки. Однако придавать значение только им будет неправильно, так как за их фасадом скрывается внутренняя организация науки. Внешние по отношению к академическому миру факторы являются лишь одними из множества элементов, генерирующих новые научные факты. Наравне

с ними существуют другие, имманентные академическому миру элементы, благодаря которым научное знание может состояться в принципе: формальная и неформальная коммуникация между учёными, техническое оборудование, смыслы, приписываемые исследователями своим научным практикам, стилистика академического письма.

Если мы говорим о микромеханизмах производства научного знания, то рассмотрение посредничества материальных объектов сопряжено с большой проблемой. С методологической точки зрения её можно обозначить как «проблема поля». По сути Латур, Вулгар и другие этнографически ориентированные исследователи, смогли предложить сильные концептуализации науки благодаря тому, что у них была возможность находиться в лабораториях физиков, химиков, фармацевтов, и наблюдать там конкретные манипуляции с экспериментальной установкой, реактивами, офисной техникой. Определённо, такое погружение в контекст исследовательской повседневности, позволило представителям «второй волны» более детально описывать и концептуализировать механику производства научного знания.

В нашем исследовании проблема «поля» оказала серьёзное влияние на сбор эмпирических данных. Получить доступ на вход в лабораторию или исследовательский институт оказалось невозможно во время реализации проекта. Недоверие руководства академических институций, бюрократические препоны для коммуникации, общая настороженность исследователей в университетах и академиях мешали чётко придерживаться разработанного плана реализации научно-исследовательской работы. В результате, нами было принято решение оставить попытки добиться разрешения для полевой работы непосредственно в лаборатории. Других альтернатив сбора эмпирической информации оставалось не так много. Выбор был сделан в пользу экспертных интервью с активными учёными из университетской и академической (структуры РАН) среды. Здесь следует сделать несколько важных комментариев.

Мы исходили из того, что механизм производства научного знания может изучаться не только из перспективы прямого (невключённого) наблюдения за событиями лабораторной жизни, а через его описание самими исследователями. С помощью разработанного гайда интервью, мы пытались рассмотреть особенности исследовательской работы, начиная от выбора тематики и заканчивая опубликованием полученных данных в академическом издании.

Вернёмся к более сдержанному обсуждению. Для НИР, использование понятия «механизм» представляется оправданным по причине того, что оно позволяет определять научную работу, как набор связанных друг с другом этапов, каждый из

которых характеризуется своими специфическими задачам, конститутивными элементами, проблемами. Раскроем этапы по производству научного знания более подробно:

- 1 **Фокус проблематизации.** На этом этапе учёные определяют тему исследования, решают какие вопросы имеют большую значимость. Ключевой задачей здесь является выбор. От исследователей требуется выбрать из всего многообразия лакун в своём дисциплинарном поле или смежных с ним те, на которые будут направлены его усилия.
- 2 **Производство научного знания.** Акцент делается на способах организации исследовательской деятельности: рекрутинг членов исследовательского коллектива и распределение задач между ними; планирование и распределение ресурсов; формулирование исследовательских результатов.
- 3 **Трансляция научного знания.** Речь идёт о способах распространения научного знания и фиксации его в качестве признанного в академическом сообществе, а также о трансляции результатов исследования во внешние от академического мира институциональные среды (поле политики, экономика и др.).

Все три этапа приобретают связность в период работы над исследовательскими проектами. Поэтому наши экспертные интервью проводились с учёными, активно участвующими в проектной деятельности фондов грантовой поддержки. Всего было взято 18 экспертных интервью с учёными из 7 субъектов Российской Федерации (Архангельская область, Москва, Санкт-Петербург, Свердловская область, республика Коми; Ростовская область; Томская область). Принципиальным для нас было изучить механику производство научного знания не просто теми, кто пишет заявки, но имеют опыт по их реализации. Иными словами, интервью проводилось с держателями грантов (выполняющих роль, как руководителей, так и исполнителей проекта) Президента РФ (два человека); Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) (семь человек); Российского научного фонда (два человека); Российского фонда гуманитарных исследований (6 человек). Можно сказать, что участие в проектной деятельности информантов было для нас своего рода фильтром. Через него нам удалось сконцентрироваться на исследователях реально предпринимающих определённые усилия по генерированию научного знания. Структура выборки экспертов симметрична

по отраслям наук: социально-гуманитарные науки (девять человек); естественные науки (девять человек).

2.1 Выбор тематики исследования

Как таковая проблема выбора сопровождает ученого на всех этапах его профессиональной деятельности. Однако если оставить за скобками само решение заниматься наукой в каком-либо дисциплинарном поле, то следующим, обуславливающим его будущую карьеру событием, будет являться определение исследовательской тематики. Здесь перед ученым стоит задача установить конкретные рамки проблематизации, в которых будет строиться его профессиональная траектория. Такой выбор подразумевает под собой ориентацию на факторы, находящиеся как внутри академического мира, так и внешних от науки институциональных средах [74]. Ученому необходимо определиться, какие из них будут наиболее значимы, а какие можно опустить на второй план. Подобные манипуляции будут формировать конкретные стратегии определения исследовательской тематики. Собранный эмпирический материал позволил выделить следующие факторы, определяющие выбор исследовательской темы:

Ориентация на научного руководителя. Данная стратегия определения темы научного исследования включает в себя ориентацию на старших коллег. Делая первые шаги в поле науки, молодой исследователь во многом ориентируется на научного руководителя, имеющего сложившуюся систему научных интересов, принципов ведения исследовательской работы. Научный руководитель может по-разному прививать собственные исследовательские интересы ученику. Например, руководитель может открыто предлагать молодому учёному заниматься определённой темой: *«В выборе темы исследования я определилась уже давно, еще на 4 курсе института, а в данный момент идет развитие этой темы. Тогда мой выбор был больше сориентирован на научного руководителя, а потом стало интересно выбранное направление»* [Информант 2].

Выполнение требований руководства институции. Рамки проблематизации исследовательской деятельности ученого могут быть определены той институцией, где он работает. Формирование исследовательского направления для конкретной организации может происходить исходя из сложившихся научных традиций, идеологии заказчика, вкладывающего деньги в развитие учреждения, региональной спецификой места расположения институции. В результате, ученый оказывается ограничен рамками той проблематики, на решение которой ориентирована его институция.

Примером такой научно-исследовательской направленности организации может быть БФУ имени И. Канта, ориентированный на обеспечение национальных интересов России в Балтийском регионе [75]. В этом случае информантами были указаны следующие стратегии поведения:

- 1 **Достижение компромисса.** В условиях отсутствия жесткой регламентации исследовательской деятельности со стороны администрации ученые стараются осуществить своеобразный компромисс между требованиями их институции и тематикой проводимых грантов: Выбор такой линии поведения характерен, в первую очередь, для сотрудников структур РАН.
- 2 **Первенство личных интересов.** Подобная стратегия, скорее, ближе к удачному стечению обстоятельств. В этом случае интересы ученого уже определены, и только потом появляется организация, ориентированная на аналогичную проблематику.
- 3 **Приспособление.** Первостепенное значение, согласно этой стратегии, имеют требования администрации, а личные интересы исследователя отходят на второй план. Ученый пытается согласовать свои интересы с рамками исследовательской политики, в которых он находится.
- 4 **Академическая конфронтация.** Ученый категорически отказывается подстраиваться под требования руководства своей институции. Такое поведение, скорее, характерно для университетской среды, чем для сотрудников научно-исследовательских центров или лабораторий.

Личный интерес исследователя. Особую роль в определении тематики исследования играет личный интерес ученого. Информанты, как правило, делают сильный акцент на роли своих предпочтений при выборе темы: *«В моем случае, практически, личные интересы полностью определяют мое научное исследование. Мои личные интересы, плюс мои личные интеллектуальные возможности»* [Информант 14].

Тем не менее, далеко не всегда личный интерес определяет исследовательскую тематику. Возможно и обратное развитие событий, когда вовлечение сторонними акторами в определенную исследовательскую работу формирует у ученого интерес к заданной ему теме: *«Я бы сказал, что интересы формируются уже в процессе. То есть мы осваиваем новые методы анализа. Соответственно интересы уходят в эту область. Влияние равное, самих научных направлений и исследователя на эти направления. Сложно выделить, кто больше влияет»* [Информант 13].

Влияние коммуникации с коллегами. Одним из факторов, способных повлиять на исследовательскую тематику ученого является его академическое окружение. Взаимодействие с коллегами происходит на всех этапах производства знания. Это может быть формирование исследовательского коллектива, направленного на изучение определенной проблемной области: *«Один из моих знакомых рассказал мне, что можно выполнить такие-то исследования и в ходе этого понять, как работают те или иные механизмы, которые мне были интересны, и в общении с ним мы пришли к выводу, что это можно изучить и сделать»* [Информант 10]. Или же корректировка уже существующих наработок, критика результатов исследования и предложение новых идей: *«Таких примеров, когда научные интересы или научные исследования менялись под воздействием старших коллег или других коллег множество. И мне кажется, у каждого ученого такие примеры есть. [...] Это тоже нормально, это часть научной деятельности»* [Информант 14].

Ориентация на конкурентов. Говоря о коммуникации в академической среде, следует отдельно остановиться на факторе конкуренции. В зависимости от того, как информанты воспринимают фактор соперничества, и какой смысл вкладывают в само понятие, можно различить несколько стратегий данного поведения.

Ориентация на актуальность темы. Важным критерием в определении тематики исследовательской работы является ее актуальность. Для того, чтобы научные труды были восприняты и поддержаны, ученому необходимо найти ту аудиторию, на удовлетворение потребностей которой они и будут рассчитаны. В этом случае, исследователь мониторит запрос какой-либо группы и формирует предложение. Далее, мы обозначим выявленные у информантов стратегии выбора исследовательской тематики, ориентированные на удовлетворение спроса различного рода целевых групп.

- 1 Государственный запрос.** Выбирая такую стратегию, ученые стремятся заниматься теми исследованиями, которые будут значимы на государственном уровне, а значит, имеют возможность получить государственную поддержку.
- 2 Запрос конкретных отраслей производства.** Помимо государственного запроса на проведение научных исследований, исследовательская тема формируется, как реакция на конкретные запросы промышленности.
- 3 Общественная популярность тематики.** Способность темы произвести общественный резонанс дает ученому возможность рассчитывать на то, что его работы будут интересны большому кругу лиц и соответственно, будут

получать дальнейшую поддержку. Одним из индикаторов остроты темы может быть её высокая освещённость в СМИ. В качестве примера, это может быть проблема Сирийских беженцев в Европе, Русско-Украинские отношения или лихорадка Эбола.

- 4 **Научная актуальность.** Суть стратегии заключается в ориентации ученого на академический мир. Здесь уже исследователь смотрит не на то, что важно для государства, промышленности или общества, а на то, чем занимаются другие востребованные ученые. Какие темы сейчас популярны в академическом сообществе и требуют развития.

Говоря об определении фокуса проблематизации исследования, можно сделать вывод о том, что ключевую роль в этом процессе играет академическое сообщество. В начале своей исследовательской карьеры ученый принимает тематику научных направлений своих более старших и авторитетных коллег. Подобное приобщение может происходить как под влиянием научного руководителя, так и через взаимодействие с коллегами из одной институции или дисциплинарного поля. Тем самым, академическое сообщество формирует исследовательские траектории начинающего учёного. С опытом кристаллизуется интерес ученого к определённым проблемам. Интерес может соответствовать предложенной коллегами тематике или наоборот, несколько быть вдалеке от доминирующих в академическом сообществе трендов. В обоих случаях сформированные под влиянием коллег предпочтения так или иначе находят свое отражение в деятельности ученого.

2.2 Производство научного знания

Для оптимизации процесса производства научного знания ученые объединяются в исследовательские коллективы, работающие по определенной тематике. От слаженности функционирования такого коллектива зависят темпы производства конечного продукта и его качество. Здесь мы разберем основные организационные этапы исследовательской деятельности. Особое внимание будет уделяться особенностям управленческих решений руководителя проекта в организации работы исследовательской группы: формирование команды, организации работы и разделения зоны ответственности среди её участников, распределении ресурсов и подготовки результатов.

Рекрутинг членов исследовательского коллектива.

Важным критерием для формирования исследовательского коллектива являются формальные требования, установленные руководством научных фондов. Такие указания касаются, как правило, возраста исследователя, его положения в академическом сообществе и по библиометрическим показателям. Если руководитель коллектива отказывается учитывать эти моменты, то его заявка на получение гранта попросту не получает одобрения. Такая перспектива заставляет исследователей подбирать людей исходя из формальных критериев научного фонда: *«В первую очередь, исходя из формальных требований фонда: возраст, острепенённость, научный задел, публикационная активность и так далее. Это первая составляющая. Это процентов семьдесят, определяющих выбор конкретного человека»* [Информант 1].

Формальные критерии для выбора человека в качестве члена исследовательского коллектива имеют высокое значение, но при этом полагаться исключительно на них, по мнению информантов, будет ошибочно: *«Может быть, это формальность, человек в силу ряда обстоятельств получил её, но совершенно не компетентен в той области, которой он занимается. Есть такие случаи, бывает, поэтому смотрел бы больше не на степень, которую человек имеет, а именно на его дела, как он выполняет эту работу, которую ему поручаешь»* [Информант 10].

Распределение ответственности.

Следующим этапом после формирования исследовательского коллектива является распределение ответственности среди его членов. Как правило, руководители уже хорошо знакомы со своей исследовательской командой и имеют представление о том, кто какую функцию может выполнять. Так, в процессе постановки задач руководители коллектива ориентируются на те качества и способности, которыми обладают их коллеги. В целом, исследовательская группа представляется как набор самостоятельных ролей, ориентированных на свою зону ответственности и объединенных под общим началом руководителя проекта: *«Зона ответственности процентов на 70 лежит на руководителе за итоговый результат. И исполнители, естественно, отвечают за определенные кластеры всего проекта»* [Информант 9].

Исходя из опыта грантовой деятельности информантов, можно определить роли исполнителей научного проекта:

«Шеф». Роль руководителя можно охарактеризовать как симбиоз двух ролей. Это ученый, формулирующий концепцию исследования, разрабатывающий научный

задел по исследуемой тематике и отвечающий за результат научной работы. И функционер, объединяющий других исследователей в один коллектив, организующий рабочий процесс, распределяющий ресурсы и создающий возможности для распространения итогового научного продукта.

«Скринеры». В научной работе необходимо ориентироваться на то, что уже сделано по заданной тематике. Так, для экономии человеческих ресурсов в некоторых коллективах сложилась следующая практика. В исследовательской группе выделяется роль своеобразного «скринера» (обзорщика) научной литературы, в чьи обязанности входит проведение мониторинга актуальной для научного коллектива информации в академическом мире.

«Свадебный генерал». Специфику этой роли в исследовательском коллективе мы уже затрагивали выше. Основная задача «Свадебного генерала» заключается в экстраполяции своего символического капитала на исследовательский коллектив в целом для поддержания заявки на грант.

«Организационщики». Участие в конкурсах научных грантов тесно сопряжено со многими организационными и бюрократическими моментами. Ученым наряду с исследовательской деятельностью необходимо разбираться в организационных документах, договариваться о публикациях и командировках. В некоторых случаях для того чтобы разгрузить тех людей, которые непосредственно занимаются проведением научного исследования от подобных занятий в исследовательский коллектив вводят человека, выполняющего конкретно данную функцию. Такой человек является полноценным членом исследовательского коллектива и помимо своей основной задачи может помогать, к примеру, в сборе эмпирической информации.

«Рабочие лошадки». Помимо организационных моментов процесс проведения научного исследования также нагружен рутинными работами. Как правило, это труд, который не требует от исполнителя серьезной подготовки и опыта. Остепененным ученым такая работа не положена «по статусу» а студентам полезна в качестве фактора обучения.

Планирование ресурсов.

Следующий аспект, на который следует обратить внимание, это сопоставление исследователем ресурсов и возможностей для решения проблемы. Руководителю проекта необходимо так распределить финансирование, чтобы не возникало проблем в

ходе проведения самого исследования и при этом избежать претензий со стороны участников коллектива и надзорных органов.

В ходе интервью мы выявили два способа распределения денежных средств между исполнителями проекта:

- По личному вкладу в выполнение проекта: *«Обычно распределяются по заслугам. [...] Те же публикации так просто не возникают, а появляются из полученных результатов. И известно кто получает эти результаты. Исходя из этого происходит распределение средств»* [Информант 13];
- По опыту: *«То есть, если три человека в коллективе, в том числе и руководитель, то в зависимости, опять же, от опытности. То есть человек, который первые пол года, например, работает – он получает одну часть от суммы. Более опытный человек – две части, руководитель – три части»* [Информант 8]

Отчетность.

Ученые не работают по гранту с совершенно новой для себя темой. Как правило, это те области, в которых они уже имеют определенные наработки. Все что остается исследователям сделать в рамках гранта – это получить эмпирическую информацию, оформить все в подобающем виде и подготовить к публикации: *«К моменту подачи заявки на грант у нас уже есть определенные архивные наработки, предположим, литературные наработки и нам остается провести полевую часть исследования»* [Информант 9]. Более того, в некоторых случаях, планируемые по гранту публикации уже фактически написаны непосредственно до участия в нем. Такие ситуации связаны с временным интервалом проведения грантовых конкурсов и графиком работы редакций научных журналов: *«Есть элементарный нюанс, если вы оформили все документы в июне, а отчет необходимо сдавать в декабре и, если вы заявили несколько статей, в том числе и ВАКовскую статью, то она у вас уже должна быть фактически написана. Потому что в июле, августе, многие журналы элементарно не работают»* [Информант 4]. В итоге, можно наблюдать ситуацию, когда сначала проводится исследование, пишутся статьи и только потом оформляется заявка на получение гранта.

Если возникает задержка публикации статьи из-за редакции журнала, то информанты прибегают к более неформальным стратегиям. Проблема может решаться с помощью символического или социального капитала участников исследовательского коллектива: *«В основном это делает [руководитель], потому что если позвонит он и*

сдадут за неделю, а если позвоню я, то сдавать будут три месяца, что тоже недопустимо, потому что по плану должна быть издана монография по гранту» [Информант 16].

2.3 Трансляция научного знания

Динамика производства научного знания зависит от механизмов его трансляции. Неэффективность здесь грозит тем, что научный продукт так и не выйдет за пределы границ исследовательского коллектива. Трансляция полученных результатов происходит по двум направлениям: 1. внутри поля науки (научные журналы, конференции); 2. Во внешних от науки институциональных контекстах. Например, научное знание может быть актуально для сферы промышленности, политики, экономики и т.п.

Трансляция знания в поле науки

Итоговый результат проведенного исследования имеет свои критерии, определяющие возможность его распространения. Если он им не соответствует, то представление его другим теряет смысл, как для ученого, так и для транслятора (редакция научного журнала, организационный комитет конференции и др.). В этом случае значимость имеет исключительно положительный результат, отрицательный же остается в стенах лаборатории: *«То есть, делали-делали, ничего не получилось – бросили. Такое не опубликовать. Конечно, говорят, что отрицательный результат – тоже результат, но для публикации важен результат положительный, а не отрицательный»* [Информант 8].

Если говорить о трансляции научного знания внутри академического сообщества, то самый распространенный формат – это опубликование научной статьи. В выборе научного журнала для публикации акцент делается на двух (в некотором смысле, взаимоисключающих друг друга) критериях. Это доступность и значимость издания.

Под доступностью, в первую очередь, понимается лояльное отношение редакции научного журнала к исследовательскому коллективу на предмет научной статьи и в скорейшей ее публикации на страницах журнала: *«Реальные возможности опубликовать статью, если говорить проще. То есть не будет создано никаких бюрократических барьеров: задержка публикации в связи с рецензированием, отклонением статьи по техническим обстоятельствам»* [Информант 1]. Доступность научного журнала для авторов определяется двумя индикаторами: 1. личные

неформальные связи исследователей с представителями издания; 2. невысокие притязания редакции к качеству публикуемых работ.

Неформальные связи исследовательского коллектива с редакцией научного журнала преобладают в случаях, когда издание является близким к месту работы участников коллектива или даже аффилировано с их институцией. «Академическая местечковость» приводит к тому, что рецензент часто знает автора, а автор рецензента. Фактор анонимности нивелируется тем, что в рамках одной институции, более того, в рамках одного дисциплинарного поля этой институции все ученые, как правило, хорошо осведомлены, чем занимаются их коллеги: *«Он почитал статью, вспомнил, что за персонаж и, видимо, это тоже какую-то роль сыграло в его положительном отзыве»* [Информант 3].

Если говорить о журналах, которые никак не связаны с местом работы участников исследовательского коллектива, то здесь также могут иметь значение неформальные связи авторов с редакциями. Ученые охотнее отправят свою работу в издание, с которым они могут быть определённым образом связаны. В этом случае возникает возможность более оперативной печати статьи, а также устанавливается лучшее взаимопонимание между редакцией и автором.

Журналы, имеющие невысокие притязания к качеству публикуемых работ имеют свои достоинства и недостатки для исследователей. С одной стороны это низкие требования для приема научной статьи в публикацию. Работы могут приниматься без скрупулёзного рецензирования и долгих ожиданий для опубликования. Это удобный вариант для случаев, когда срочно необходимо опубликовать одну или несколько работ: *«Всегда на подстраховку ты отправляешь результаты в менее весомые журналы. Здесь, особенно в таких журналах, университетских и таких низкорейтинговых, скажем так. Вот они и выручают аспирантов. Они все-таки из списка ВАК, то есть рецензируемые, то есть подходят для защиты диссертации»* [Информант 14].

Значимые издания имеют большой авторитет среди академического сообщества. За право опубликоваться в журнале с хорошей репутацией идет конкуренция. И далеко не каждый может туда попасть. В первую очередь это связано с высокими требованиями редакций: *«Есть базы РИНЦ, ВАК, Scopus, Web of science. Конечно, каждый стремится максимально высоко прыгнуть, в Web of science, но это не всегда удается, так как там большая конкуренция»* [Информант 13]. В этих журналах

создается большая очередь из желающих опубликоваться. В связи с высокой нагрузкой, процесс публикации может затянуться на долгое время: *«Требуется немало времени, чтобы подготовить эту статью, плюс время на рецензирование. Поэтому, в лучшем случае, она будет проходить полтора-два года. Любой отчёт готовится в течение года и в конце должен быть уже какой-то конкретный научный продукт. Поэтому без неформальных связей смысла подаваться в такие журналы я не вижу»* [Информант 1].

Среди представителей естественных наук помимо импакт-фактора журнала значение имеет он позиционирование издания в академическом мире. Так, написав качественную работу, ученый старается ее отправить, прежде всего, в журнал со строгой тематической направленностью. Журналы ориентированы на определенную аудиторию, и ученый в этом случае может быть уверен, что его работу прочтут те люди, на которых она направлена: *«Стараясь, пусть импакт-фактор будет 0,2, но это будет хороший, достойный и уважаемый журнал. Чем с импакт-фактором выше 0,3, но который представляет из себя «солянку» из всех наук»* [Информант 13]. Важным индикатором хорошего журнала является его репутация в глазах именитых коллег.

Трансляция знания из академического мира в институциональную среду

Произведенный научный продукт так и останется существовать в академическом мире, если не работать над трансляцией его во внешнеакадемическую среду. По большей части, исследователи ставят перед собой задачу распространения своих идей исключительно среди научного сообщества и смутно представляют следующие шаги: *«Если что-то я делаю новое, то моя главная задача эти результаты опубликовать в каком-либо весомах журнале. Что конкретно дальше делать, если эти результаты имеют какой-то практический выход. Дальше создается патент. Но на этом наверно все»* [Информант 14]. Так, одна из распространенных стратегий – это использование всевозможных научных мероприятий для трансляции своих идей: *«Буду пытаться опубликовать в максимальном количестве источников, с большой вероятностью я поеду с ней на конференцию, я буду использовать доклады для того, чтобы максимально широко её распространить»* [Информант 12].

Одним из выявленных мостов между академическим миром и внешней для него средой является поиск применения результатов исследования. Если научному знанию находится применение – то, соответственно, находится и спрос: *«Это надо найти просто ему применение. Тут, мне кажется, другого пути нет. Оно может остаться сугубо в академической среде, если получили какое-то открытие и все, и оно никуда*

больше не движется. А в общественную среду оно попадет, если его применить» [Информант 11]. В частности, для естественных наук спрос может формировать промышленность: *«Много предприятий, которые заказывают научные разработки, исследователи изобретают какие-то продукты, потом их вводят в технологическую сферу и производят продукт. Мост – это какая-то промышленность»* [Информант 13].

Еще одним способом трансляции научного знания в общественную среду – это поиск применения результатов исследования в поле политики. Ученые, в целом, скептически относятся к тому, что политическая элита прислушается к идеям людей-науки, но считают возможным трансляцию научного знания через людей, которые находятся в пограничном положении между наукой и политикой: *«А вообще, как я понимаю, самый надежный способ – это влиться в какой-либо мозговой трест, который получает государственный заказ от властных структур на выполнение, в том числе, исследовательской работы, экспертного сопровождения тех или иных государственных проектов»* [Информант 3]. Такой человек будет являться своеобразным каналом для трансляции идей из одной сферы в другую.

Ещё одним ходом для информантов видится распространение научных идей и фактов через социальные сети: *«Это, наверное, иметь друзей в Фэйсбуке, в том числе и социологов, и публиковать в Фейсбуке свои мысли [...] ты выкладываешь это на Фэйсбуке, пишешь, люди пишут тебе в ответ, потом ты публикуешь статью»* [Информант 18].

Подводя итоги данного подраздела, необходимо сделать следующие обобщения. Не все научное знание годится для распространения. Так, полученные отрицательные результаты и узкоспециализированные данные оказываются не интересны и остаются в стенах лаборатории или в голове ученого. «Полезный», по мнению ученого, результат научной деятельности распространяется, в первую очередь, в академических кругах. Выбор научного журнала для трансляции полученного знания определяют такие критерии как доступность и значимость издания.

Доступный для исследователя журнал определяют следующие индикаторы: 1. Неформальные связи автора с редколлегией журнала; 2. Низкие притязания редакции журнала к публикуемому материалу. Журналы, отвечающие третьему индикатору, используются учеными как средство повышения наукометрических показателей. Сами работы, отправляемые в такие издания, сравниваются с полуфабрикатом.

Значимость журнала может определяться как формальными показателями, такими как Индекс-Хирша, Импакт-фактор, так и неформальными: оценка авторитетных коллег, узкая тематическая направленность издания. Публикация статьи в подобном издании осложнена высокими требованиями к качеству работы и долгим ожиданием печати.

Исследователи, по большей части, не имеют четкого представления о том, как транслировать свои идеи во внешние от науки институциональные среды. Но при этом, наши данные показывают, что трансляция научного знания из науки в другие поля может происходить тремя способами: 1) Поиск конкретного применения; 2) Трансляция через посредничество ученого-функционера; 3) Распространение научного знания через медиа и социальные сети.

3 Экспертиза научного знания

Статус научности знания, как мы уже говорили ранее, требует подтверждения со стороны академического сообщества. Иными словами, процесс по производству знания не завершается в момент получения определённых результатов. Учёные разделяют веру, что другие коллеги способны вынести справедливую оценку о результатах проделанной работы и, если мы говорим об этапе предшествующем исследованию, о новизне предлагаемой идеи. Собственно, последнему аспекту посвящён данный раздел научно-исследовательской работы.

Организация академического мира во многом основывается на конкуренции. Её регулирование осуществляется благодаря специальным механизмам поддержки и развития научной деятельности [76]. К ним могут относиться различные стимулирующие надбавки (надбавка за академическую работу, надбавка за академические успехи и вклад в научную репутацию институции; надбавка за публикацию в зарубежном академическом журнале и т.д.) внутри институции, где работают исследователи [77]. Другой формой является поощрение исследователя различными благодарственными письмами, дипломами отличия, званиями и премиями со стороны региональной и федеральной власти [78]. Специфика этих механизмов стимулирования научной деятельности в том, что они мотивируют исследователей продолжать заниматься наукой, не останавливаться на уже полученных результатах и дальше воплощать свои идеи. Заслуги учёного отмечаются постфактум, то есть, сначала было проведено исследование, были получены определённые результаты, затем их признали в академической среде, после чего учёный стал различим в системе экономического и символического поощрения.

Но как быть с теми, кто, к примеру, только делает первые шаги в поле науки или входит в новую область исследования, в которой у него пока нет научного задела? Как стимулировать научную производительность исследователя, если у него отсутствуют ресурсы (финансовые, человеческие и другие) продолжать заниматься научным поиском по выбранной предметной области? Для таких случаев существует система грантовой поддержки. Общепринятой точкой зрения считается, что наука может продолжать аккумулировать знания при должном уровне финансирования. Государство, как основной источник поддержки науки в большинстве стран, не может обеспечить всех исследователей одинаковым количеством денежных средств. Их распределение происходит на конкурентной основе для того, чтобы различить в поле

науки наиболее перспективных и талантливых учёных, а также «отсеять» менее квалифицированных [79].

3.1 Механизм экспертизы

Работа научного фонда с потенциальными участниками конкурса на получение грантовой поддержки выстраивается через ряд формализованных процедур. Во-первых, анонсирование конкурса происходит через интернет-сайт фонда. В информационном сообщении чётко прописано наименование конкурса, его целевая аудитория, требования к участию, сроках подачи заявки. Примечательно отметить тот факт, что в отечественном контексте, анонс о проведение конкурса содержит, как правило, несколько предложений. Основная информация представлена в положении о конкурсе - большом по объёму документе, где подробно описана вся процедура подачи заявки. В противоположность этому, зарубежные фонды предлагают более простую визуальную презентацию информации о конкурсе. Все важные моменты в сжатой форме отражены в том же информационном сообщении.

Ознакомившись с документацией конкурса, исследователь подаёт свою заявку. На сайте любого научного фонда существует определённый интерфейс, через который заполняются основные сведения о своём проекте (актуальность исследования, новизна работы, научный задел, цель проекта, его задачи и основные этапы проведения и т.д.). Часть научных фондов просит дублировать информацию в электронной форме на бумажном носителе и отправлять его по почте. Другие ограничиваются данными, указанными на сайте.

После наступления дедлайна конкурса, начинается непосредственно работа по выявлению наиболее интересных проектов. В общем и целом, её можно разделить на три этапа:

- 1 Формальный. Работы проверяются на соответствие предъявляемых требований конкурса и правильности оформления. Не редки случаи, когда именно на этом этапе отбраковывается большое количество работ. Отсутствие одного из обязательных разделов заявки (например, не прописана методология исследований), неправильно скомпонованная структура заявки или неимение подписи одного из исполнителей проекта приводит к тому, что проекты так и не попадают к экспертам.
- 2 Обзорный. Те заявки, что успешно прошли формальный этап, дифференцируются по области знания и отправляются на экспертизу. В англо-американской традиции существует понятие «screeners». Скринеры –

это учёные, к которым обращаются представители фонда для того, чтобы определиться с научным уровнем заявки. Эти эксперты делают вычитку, оценивают проект по определённым критериям: актуальность, новизна, применимость результатов, научный задел, план реализации проекта и формальные результаты. Каждый критерий оценивается по десятибалльной шкале. По итогам экспертизы, скринер пишет заключение, где отмечает сильные и слабые стороны заявки.

- 3 Дилеберативный. Заявки с проставленными баллами доставляются на экспертную панель, состоящую, как принято считать, из наиболее авторитетных специалистов в своей области. Там, в процессе осуждения, выносится окончательное решение о том поддержать проект или нет.

Каждый из трёх этапов, имеет различные вариации. Например, при проверке на формальное соответствие, некоторые фонды пишут заявителем небольшой комментарий о причинах отказа. Другие фонды, ограничиваются простой рассылкой на E-mail заявителя, где просто указывается: «Ваша заявка отклонена по формальным требованиям». На этапе работы скринеров возможны ситуации, когда часть экспертов хочет более подробно вникнуть в суть заявки, привлекая дополнительных специалистов. Во время заседания панели, опять же возможно привлечение скринера заявки для ответов на уточняющие вопросы.

Система оценивания заявок на получение гранта кажется, на первой взгляд, рационализированной и работающей без перебоев. Однако существует большой объём критической литературы [79; 80; 81; 82], нацеленной привлечь внимание к наиболее проблемным аспектам организации отбора «совершенных» proposals.

Процедура рецензирования может быть обнаружена, как минимум, в восьми случаях: 1. оценка докторских и кандидатских диссертаций; 2. Отбор сотрудников для восходящей мобильности в поле науки; 3. Распределение ресурсов для проведения исследования (собственно, случай научных фондов); 4. Оценка манускриптов для публикации редколлегией академических журналов; 5. Рецензирование научных монографий; 6. Рассмотрение кандидатур для присуждения какой-либо награды; 6. Аудит исследовательских организаций; 7. Определение влияния результатов исследования на социально-политические процессы; 8. Оценка стратегий и направлений научного развития [84]. Каждый случай сопряжён с рядом напряжений. Общими для всех случаев являются напряжения, связанные с риском принятия

решения на основе личных предпочтений экспертов (ангажированность vs беспристрастность) и количество времени, затрачиваемое экспертами на peer-review (личное время vs время на оценку). Рассмотрим их более подробно.

3.2 Проблемы оценивания научных заявок

Как уже было сказано, признание системы peer-review в качестве легитимной во многом строится на вере в непогрешимость экспертов. Считается, что любой учёный в своей работе руководствуется четырьмя базовыми этическими императивами: беспристрастность, универсализм, коммунизм (общедоступность), организованный скептицизм. Для системы peer-review, независимо от ситуации, где она используется, значение приобретают первые две этические нормы. Иными словами, эксперты научных фондов не смотрят, какую академическую институцию представляет заявитель, также как для них не имеет значение его цвет кожи, возраст, гендер, тематика исследования. Эксперт должен занять дистанцию по отношению к рассматриваемой заявке. Любые собственные предпочтения должны быть устранены.

Четыре этических императива, по сути, являются идеальными типами. Классическое исследование Харриет Цукерманн показало, что паттерны оценивания заявок экспертами сильно отличаются от этих идеализаций. Она провела серию экспертных интервью с лауреатами Нобелевской премии и обнаружила, что многие из них считают неправильно направлять ресурсы для проведения исследований тем, кто имеет высокий статус в поле науки. Эксперты открыто признают проблему несправедливости оценивания идей исследователей редакциями научных журналов или экспертами научных фондов. Как правило, «сливки» снимают те, кто и так находится на верху. На самом деле, полагают информанты Цукерманн, учёные, которые имеют меньший влияние в академическом мире, производят не менее интересные идеи и результаты, чем их более авторитетные коллеги. Феномен, обнаруженный исследовательницей, позволил Р. Мёртону сформулировать знаменитый эффект «Матфея»: у того, у кого нет – не будет; у того, у кого есть – присовокупиться [85; 86].

Второе напряжение (личное время vs время на оценку) касается работы рецензентов. Заявка на получение гранта достаточно объёмный документ. Его оценка требует детального прочтения основных разделов. Более того, к примеру, изучение научного задела, возможно, потребует дополнительной проверки указанных статей в базах научных публикаций. Плюс, оценивание включает написание итогового заключения, где отражаются основные преимущества и недостатки работы. Помимо этого, если мы берём непосредственно процесс обсуждения на экспертной панели,

работа с заявками может длиться один-два дня. Всё это выматывает экспертов, отвлекает их от решения других задач, в том числе, проведения собственных исследований [84].

Кроме указанных двух напряжений, можно выделить ещё несколько. В отличие от предыдущих, они встречаются время от времени в зависимости от контекста, в котором процедура peer-review используется.

Нейтральное суждение vs продвижения своих собственных исследовательских интересов. В 1991 г., представители Бадской школы исследований науки и технологий Трэвис и Коллинз провели серию наблюдения за заседанием комитета по присуждению грантов British Science and Engineering Research Council. В результате ими был сформулирован феномен «когнитивного кронизма»: «Большинство исследований с помощью peer-review, утверждаем мы, основываются на ограниченном и частном видении науки которое должно быть дополнено, если peer-review правильно понято» [89; Р. 322]. Авторы делают акцент именно на содержательной стороне заяв. Их вывод принципиально отличается от заключений классических институциональных исследований науки. Основное препятствие системы peer-review, считают Травис и Коллинз, видится в том, что эксперты выносят оценки о заявках на основании своих интеллектуальных предпочтений: приверженность определённой парадигме, приоритет в пользу количественных методов, собственное понимание того, какие вопросы должны быть в первую очередь рассмотрены в рамках той или иной темы. Это ведёт к замедлению прогресса науки, так как интересные, революционные идеи в Куновском смысле, не будут получать поддержки.

Ещё одним предметом критики является непрозрачность всей системы оценивания в научных фондах. Как будет показано далее на материалах экспертных интервью, многие эксперты научных фондов не могут тщательно оценить заявку, так как у них отсутствует доступ к «залитым» на сайт фонда научным публикациям руководителя проекта и его исполнителей. Самостоятельный поиск публикаций заявителей, в свою очередь, опять же требует дополнительного времени. С другой стороны, с точки зрения заявителей, существует большая проблема, связанная с отсутствием доступа к заключению рецензентов. Как правило, руководителям проектам сообщается лишь краткое резюме о том, почему их заявку не поддержали.

Не менее серьёзный вопрос ставится в отношении того, какой подход наиболее надёжный для определения уровня заявки. Существует достаточно острая дискуссия о применимости рецензирования (peer-review) или библиометрического измерения

(bibliometrics approach) для выявления наиболее интересных, полезных для науки и общества, исследований [87; 88]. По сути, проблема сводится к спору между сторонниками объективировать науку в числовые показатели и теми, кто подчёркивает содержательную сторону научной работы. Какая заявка на получение поддержки от научного фонда сулит прогресс науке? Та, в которой руководитель имеет несколько статей в журналах с высоким импакт-фактором и список ранее поддержанных проектов, или та, в которой меньше формальных преимуществ, но зато есть хорошо прописанная идея? В этой связи, для научных фондов представляется актуальным определиться, какой подход ведёт к более справедливому оцениванию заявок.

3.3 Экспертиза научных заявок в российских научных фондах

Изучая вопрос, как на самом деле оцениваются заявки на получения гранта экспертами научных фондов, мы исходили из двух аксиоматических допущений. Во-первых, система грантовой поддержки является легитимной хотя бы потому, что она просто существует. При всех обвинениях в адрес отечественных научных фондов по поводу непрозрачности процедуры оценивания и ангажированности экспертов, исследовательские проекты пишутся и по-прежнему подаются в фонды. Большинство учёных верят в то, что мир науки подчиняется единым принципам, главный из которых поиск истины. В ней заинтересованы все. Поэтому, какие бы дискуссии не разворачивались на предмет существующих проблем в фондах, учёные будут продолжать доверять свои коллегам (экспертам фондов) по цеху. В противном случае, для академического сообщества возникает риск лишиться профессиональной идентичности. Во-вторых, каркасом, на котором держится система, является набор формальных критериев оценивания заявки. Их наличие в определённой мере удостоверяет заявителей в наличии рационализированных процедур отбора наиболее интересных в научном и общественном плане проектов.

Для того, чтобы попытаться найти ответ на поставленный вопрос, мы использовали заключения теоретических и эмпирических исследований грантовой экономики. Так, принципиальное значение имело определение основных проблем экспертизы исследовательских заявок. Обзор источников позволил выделить следующие: 1. Релятивизм в интерпретации формальных критериев оценивания; 2. Когнитивный кризис; 3. «Конфликт интересов» 4. Низкий уровень экспертизы. Представим общую характеристику каждой из них.

Релятивизм в интерпретации формальных критериев оценивания заявок.

В каждом фонде не существует пояснений насчёт того, что понимать под различными формальными критериями. Отсюда многие авторы используют собственные интерпретативные схемы при определении новизны (оригинальности), актуальности предлагаемых заявок.

Когнитивный кронизм. Субъективизм неустраним из экспертизы научных заявок. Тем не менее, он может иметь слишком большие масштабы. К примеру, эксперты могут отдавать предпочтение заявкам на основе теоретических и методических предпочтений, приверженности определённой предметной области и стилю письма.

Конфликт интересов. Наиболее представленная в научной литературе проблема. Эксперты выносят решение поддержать заявки на основе институциональной принадлежности заявителя или наличия устойчивых социальных отношений с ним.

Низкий уровень экспертизы. Проблема касается невнимательности и недобросовестности экспертов во время оценивания заявок. Так, возможны ситуации, когда заявка читается бегло или отрывочно, когда не ведётся проверка имеющегося научного задела заявителя и т.д.

Составляя инструментарий исследования (гайд интервью) мы исходили из того, что окончательное решение экспертов поддержать или отклонить заявку может быть продиктовано этими проблемами. Можно озвучить возражение, что это, отчасти, противоречит нашему первому аксиоматическому допущению о легитимности системы научных фондов по причине веры в неё исследовательского сообщества. Мы не видим здесь никакого противоречия, так как учёные разделяют веру именно в то, что конкретный фонд работает честно. Таким образом, наша культура подозрения распространяется на конкретных экспертов, а не на сам механизм грантовой поддержки.

Интервью проводилось с региональными и федеральными экспертами научных фондов РГНФ, РФФИ, РНФ с помощью специально разработанного гайда интервью. Все эксперты относятся к категории «screeners», то есть тех, кто пишут рецензии на заявки. Всего было взято 8 интервью (Архангельск, Москва, Екатеринбург). Шесть информантов представляют социально-гуманитарные науки; два – естественные. Так как все фамилии рецензирующих заявки экспертов анонимны, то для поиска информантов мы использовали методику «снежного кома». Запись интервью велась на диктофон или с помощью программы Skype. Полученные данные были переведены в

текстовую форму. Транскрипты дополнительно отправлялись информантам на согласование об использовании их в исследовательских целях. Часть экспертов не разрешили публиковать транскрипты. В таких случаях мы ограничивались реферативным изложением интервью. Добавим, что данные интервью дополняются информацией, полученной во время посещения трёх семинаров, организованных научными фондами с целью просвещения возможных заявителей из числа исследователей на предмет организации своей работы, специфики проводимых конкурсов.

Оценка заявки на получение гранта делается исходя из ряда формальных критериев: описание существующей исследовательской проблемы; актуальность исследования; понимание исследовательского поля в данной предметной области; чёткость сформулированных задач проекта; новизна (оригинальность) исследования; методология исследования; планируемая методика изучения; ожидаемые результаты; научная значимость ожидаемых результатов; вклад ожидаемых результатов в решение практических задач; количество планируемых публикаций и докладов на конференциях; научный задел по теме исследования заявителя (ей)¹⁰.

В интервью, наше внимание уделялось двум критериям: актуальность и новизна исследования. Примечательно отметить, что на сайтах рассматриваемых фондов (РГНФ, РФФИ, РНФ) отсутствуют какие-либо пояснительные комментарии насчёт того, какой исследовательский проект будет считаться актуальным и обладающий определённой новизной. В данном контексте вполне уместным будет возражение о том, что даже если бы такие пояснения существовали, то это бы не решило проблему произвольного интерпретирования формальных критериев экспертами. Однако стоит заметить, что отсутствие внятных инструкций со стороны руководства фондов о том, как определить действительно новое слово в науке из всего объёма заявок на получение гранта, усиливает релятивизм трактовок формальных критериев среди экспертов. Выходом могла бы стать сессия семинаров с действующими и потенциальными экспертами фондов: «наверное, было бы полезным хотя бы раз в год проводить какие-то обучающие мероприятия или тренинги», - предлагает своё видение решения проблемы один из экспертов регионального конкурса РГНФ. В чём конкретно

¹⁰ Перечень критериев для конкурсов РФФИ (утвержден Решением бюро Совета РФФИ от 22 сентября 2011 г.).

состоит суть проблемы? Обратимся к высказываниям информантов насчёт критерия новизны исследовательского проекта.

Эксперт РГНФ, проводит рецензирование заявок более пяти лет: «Нет такого критерия «оригинальность», есть критерий «научная новизна». Ты оцениваешь, насколько эта работа является новой, а не является лишь реферированием чего-то другого. Состоит ли там? Предполагается ли там какое-то новое слово в гуманитарных науках. Есть ли прирост научного знания?». Информант говорит общими фразами. Тем не менее, можно заметить уже ряд нюансов. Так, «новой исследовательской работой» является та, которая не представляет собой попытку реферативного обзора существующих направлений исследований в определённой предметной области. Информант усиливает этот акцент следующим высказыванием: «Не повторение ли это того, что было уже сделано ранее? Не является ли это декопированием того, чем занимаются другие профессиональные коллективы? Я именно потому являюсь экспертом, потому что могу это сравнить и оценить. Здесь идёт опора уже на мои знания, раз мы говорим об определённой предметной области». Однако роль обзора нельзя преуменьшать: «Оценивая заявку мне особенно интересно знание зарубежных источников. Я всегда пристально отслеживаю этот момент в заявках», - делает важно замечание Эксперт №6.

Другой эксперт более внятно эксплицирует понятие оригинальности заявки. По крайней мере, для исторических наук, экспертом в которых он себя позиционирует: «Секунду, идея-то может быть оригинальной, но она не имеет никакой ценности для данной отрасли наук», - после чего объясняет свою точку зрения: «Проблема, взятая в проекте, может быть и не новой, но оригинальность исследовательской концепции может заключаться в источниках, которые используются. Если мы говорим об исторических науках, то ставится человеком задача изучить какой-либо исторический процесс на основании источников, которые раньше не поднимались до этого» [Информант 4]. Использование новых или ранее неизвестных источников оценивается экспертом, как претензия на новизну. По его мнению, новизна работы – это не что-то броское, яркое, то, что может привлечь внимание рецензента. Это приводит к следующему заключению: «Эпатажность и оригинальность не синонимы».

Касаясь актуальности, то здесь, среди опрошенных, доминирует, в общем и целом, одна точка зрения. Актуальным считаются те проекты, которые имеют «практический выхлоп», то есть «Актуальность, причём, чисто научная и общественная – общественно-политическая значимость, с точки зрения сегодняшнего дня. Это раз.

Второе – практическая применимость, практическая значимость результатов исследований. <...> В общем, я не считаю, что нужно удовлетворять чей-то частный интерес за чей-то счёт. Должен, честно говоря, быть «практический выхлоп» [Информант 3]. Эта точка зрения объединяет высказывания экспертов по вопросу, какой исследовательский проект считается актуальным. Заявки, которые несут в себе чисто научную значимость, имеют мало шансов на поддержку, так как в большинстве своём их результаты мало применимы вне науки. Удовлетворять чьи-то исследовательские интересы за деньги государства, считают информанты, будет крайне не правильным.

Эксперты считают, что у каждой дисциплины есть набор теоретических и методических ресурсов. При их транспонировании из одной области наук в другую, могут возникать нарушение эпистемологических принципов, свойственных определённой дисциплине. Показательным, в этом отношении, является интервью эксперта РГНФ. Сначала он делает следующие утверждения: «Я не могу, и любой эксперт Вам это скажет, критиковать методологию вообще. Он есть или нет. <...> Если заявитель пишет, что вопрос будет рассматриваться исходя из методологических принципов конструктивизма, и далее он расписывает цель, задачи, инструментарий в соответствии с этими принципами, то собственно чего здесь обсуждать? К чему придирается?», - подчёркивая, что если заявитель грамотно обосновывает планируемые в исследовательском проекте методологические принципы, то у эксперта не должно возникать вопросов об их уместности.

Некоторые эксперты сталкивались с ситуацией, когда они ставили низкий общий балл заявки по причинам рассогласования теоретических пресуппозиций проекта и методических инструментов, но фонд всё равно давал «зелёный свет» этой заявке: «Те теории, который собирался использовать автор, на мой взгляд, не соответствуют прикладным способам изучения проблемы. Человек пишет про интерпретативную оптику Гирца, а потом собирается использовать количественные опросы», - и далее продолжает: «потом я узнаю, что эта заявка поддержана. Почему? Кто принимал такое решение? Понятно, что фонд, но кто именно? Ответов нет» [Информант 8].

Не редким является сюжет, когда заявки отбраковываются экспертами по причинам «заезженности» темы. К примеру, Информант 2 указывает на то, что будучи экспертом регионального конкурса РФФИ, ему приходится каждый год читать заявки от автора, который из раза в раз «продаёт» одну и ту же тему, но под разными заявками:

«Есть такие заявители, которые долдонят и долдонят одну тему о вреде пива. Была тут одна. Три или четыре года подаёт и подаёт. Ну победила один раз, как молодой исследователь, но сколько можно? Нет, всё равно. В Москве посмотрят и говорят, ну давайте поддержим. Человек проводит одну и ту же тему, но под разными названиями. Я знаю её. Она у нас защищала кандидатскую диссертацию». Исчерпанность темы, невозможность продемонстрировать новые аспекты проблемы, повторение уже полученных результатов являются в глазах эксперта теми моментами, которые подталкивают их выносить отрицательное заключение о заявке.

Проблеме конфликта интересов отводится самое большое внимание в исследованиях системы грантовой поддержки. Считается, что многие эксперты руководствуются личными и не всегда чистыми мотивами, отдавая предпочтение той или иной заявке. К примеру, высокий балл ставится заявке от человека из той же академической институции, где работает эксперт. Или, если заявитель находится в тесных социальных отношениях с экспертом (он бывший ученик или научный руководитель эксперта; работает с ним в одном исследовательском секторе в Институте; знакомы по коллаборативному сотрудничеству).

Во время интервью, мы не могли напрямую спросить экспертов об их интересах насчёт конкретных заявок. Сложно представить, что кто-то может тесно сказать: «Я поддержал заявку Х, потому что на самом деле писал её, а другой заявитель нужен лишь для того, чтобы скрыть этот факт». Принимая во внимания всю остроту и сензетивность вопроса, мы просили информантов рассказать об опыте других коллег, которые, по их мнению, стали жертвами проблемы конфликта интересов. Собственно сам вопрос, предваряющий развитие данной темы, в гайде интервью звучал, как «Очень часто экспертов научных фондов критикуют за субъективность, а иногда и за предвзятость в оценивании. Что Вы думаете по этому поводу?».

Многие информанты, когда поднималось обсуждение корыстных мотивов в оценивании заявок, говорили примерно следующее: «Но явного конфликта интересов не может быть и вообще, если человек дорожит, ну любой, не только ученый, вообще профессионал, дорожит своей репутацией, он не будет вести себя так, чтобы его заподозрили в конфликте интересов, в нечестности и еще что-нибудь. Это вопрос морали» [Информант 1]. Ещё один эксперт по этому вопросу категорично заявляет: «Я стараюсь сразу отказываться от рецензирования таких заявок. Для меня это вопрос этики. Да, такие ситуации бывали, мне давали на рецензию работы моих учеников или коллег. Я сразу от них отказывался» [Информант 6]. Когда речь заходит о наличии

определённой заинтересованности ставить высокий или низкий бал заявке, многие эксперты сразу начинают аппилировать к научной этике. Однако, когда мы просили рассказать об опыте коллег, чьи заявки были предположительно забракованы по причине конфликта интересов, открывается несколько интересных сюжетов.

Сюжет 1. Теневой синдикат в региональных конкурсах. Если администрации субъектов РФ имеют партнёрское соглашение с научным фондом, то регион имеет право организовывать и проводить региональные научные конкурсы. Согласно положению, участвовать в них могут исследователи из того субъекта РФ, где организуется конкурс. Иными словами, на региональный конкурс РГНФ Самарской области могут подавать проектные заявки только учёные, работающие в академических институтах этого региона. То же самое касается и экспертов. В результате возникает ситуация, когда эксперты и заявители знают друг друга. Соответственно ресурсы распределяются исходя из предпочтений эксперта в отношении того или иного заявителя.

На наш взгляд, сама организация региональных конкурсов научных фондов делает неизбежным появление проблемы «конфликта интересов». Причин этому несколько:

- 1 Несмотря на то, что фонды предписывают организаторам региональных конкурсов следовать общим правилам оценивания заявки (сначала проекты смотрит скринер, затем отобранные заявки попадают на экспертную панель), по факту регионы устанавливают собственные правила: «Интервьюер: Вы выступали, как рецензент заявок или участвовали на заседании экспертных панелей? Информант: У нас этот процесс не разделялся. У нас каждый член экспертного совета рецензирует заявки и потом высказывается на наших собраниях, после чего идёт коллегиальное обсуждение. Все решения принимаются коллегиально. Мы голосуем» [Информант 1].
- 2 В силу узости регионального научного поля, экспертам, по большей части, известны все заявители: «В тех заявках, которые проходят через региональный конкурс, такого нет [*фальсификации сведений*]. Наверное, потому что мне все известны» [Информант 2]; Интервьюер: Ваш регион не достаточно «обилён» учёными. Соответственно Вы знаете всех авторов, из Вашего региона? Информант: В той или иной степени да. Интервьюер: Могу я, следовательно, предположить, что оценивая заявку, Вы полагаетесь не

только на её содержание, но и на возможности участников выполнить заявленное? Информант: Да, некоторые представления у меня по этому вопросу имеются [Информант 1].

Сюжет 2. Академические банды борются за ресурсы.

Этот сюжет согласуется с концептуализацией академического бандитизма Томаса Шеффа: «явная и многократная демонстрация верности этим группам может быть чрезвычайно полезна при получении гранта и подаче статьи на публикацию» [92]. В этой связи, интересный комментарий делает эксперт по физическим наукам: «Нет, это конечно конкуренция, она всегда была. То есть стратегия выбить конкурентов...она всегда была: и в советское время была и сейчас. Это некие такие банды. Они между собой, ну я условно говорю банды, это группы ученых, объединенных...тут даже трудно сказать по каким критериям...во многих случаях по симпатиям, по научным связям. Это не обязательно объединенные в институт <...> Это, могут быть, интернациональные группы. Вполне нормально выбить конкурентов, более того, если он на ту же тему пишет, он занимает схожую позицию. <...> Лучше выбить конкурента, чтобы ты сам...нет, здесь простая логика работает, я не вижу тут какого-то злого умысла. Это простая вещь» [Информант 6].

Из высказывания видно, что академические банды действительно существуют. Более того, информант не видит в этом ничего страшного. Конкуренция в науке естественный процесс, а трения между интеллектуальными группами его только убыстряют. Более того, если принимать в расчёт данные интервью с активными исследователями, то можно сделать предположение, что метафорика академической банды лучше всего подходит для описания отношений в естественных науках: «Наш коллектив подавал заявку в РФФИ. Приходят рецензии. Две отличные, последняя – нет. Гранта нам не дали, но потом до нас дошли слухи, что это сделано было специально. В Москве всё оккупировали физики-теоретики. Они заблокировали наш проект» [Информант 6]. Каждая банда стремится поддержать институционально и социально близкие коллективы. Кроме того, причастность к банде – это возможность занять более центральную позицию в поле науки. Место, где располагаются крупные научные школы, тем самым, обезопасить себя от маргинального положения в академическом мире.

Приведённых два сюжета требуют дополнительной верификации в рамках самостоятельных исследований. На данный момент, мы можем лишь констатировать

высокую вероятность их достоверности и не более. Тот незначительный объём эмпирической информации, собранной через интервью, подводит к заключению об остроте проблемы конфликта интересов.

Низкий уровень экспертизы

Работа эксперта при научном фонде сопряжена с большим количеством затрачиваемого времени. Требуется пристальное внимание к деталям проекта, особенностям построения теоретико-методологического аппарата. Важным также представляется понимание интеллектуального потенциала заявителя, говорим ли мы об индивидуальных или коллективных проектах. Эксперт, как принято считать, может дать справедливую оценку заявки только когда сформирует глубокое понимание актуализированной темы. Вера в систему реер-geview основывается на этом моменте: эксперт, именно потому является таковым, так как способен погрузиться с необходимым уровнем компетенции в курс дела.

Однако, согласно данным интервью, не все эксперты относятся с добросовестностью к своим обязанностям: «В заявке есть раздел «научный задел». Скажите, Вы проверяете этот задел через базы электронных публикаций? Информант: Нет, не проверяю. Интервьюер: Почему? Информант: А что, это обязательно надо делать? Интервьюер: Иногда возникают ситуации, когда люди указывают публикации, не относящиеся к журналам из перечня ВАК, к примеру. Хотя в заявке указано, что это ВАКовская публикация. Информант: В тех заявках, которые проходят через региональный конкурс, такого нет. Наверное, потому, что мне все известны. Во-вторых, если полностью рецензировать эту работу, то, с этой точки зрения, время, которое требуется и которое затрачивается, оно просто не сопоставимо. Я не могу отрывать своё время ради просмотра базы данных. Экспертная работа ведь идёт совершенно бесплатная». Эксперт открыто признаёт, что не проверяет указанные сведения в заявке. Прежде всего, имеются ввиду наличие научных публикаций и докладов на конференциях по тематике исследования. Как указывают эксперты, некоторые «недобросовестные заявители» в заявке указывают публикации, которые не являются публикациями ВАК.

Интересное решение предлагает один из информантов. По его мнению, облегчить работу экспертов, разгрузить её по времени, могла бы предварительная проверка заявок на соответствие наукометрическим показателям: «Чисто технически это уже можно сделать. Перед тем, как отдавать заявку на рецензирование, её стоит сначала прогнать через систему... Наподобие того, как проверяют на антиплагиат.

Ресурсы позволяют фондам создать такой софт» [Информант 3]. Но это точно не решит проблему «поверхностного рецензирования». Работа экспертов либо совсем не оплачиваема, либо оплачивается незначительно: «За свою работу я получаю 2000 рублей» [Информант 7]. Тогда, какая мотивация у экспертов выполнять рецензирование? Ответ следующий: «Единственное – это престижно. Хотя есть отелый преференции, например баллы в эффективный контракт университета. Более того, ты являешься экспертом, поэтому имеешь доступ к самым актуальным знаниям. Смотришь, что актуально на сегодняшний день» [Информант 1]. Престижность и возможность познакомиться с новыми идеями, если оставить за скобками доступ к механизму распределения ресурсов, являются основными причинами, благодаря которым эксперты выполняют свою работу.

Общие проблемы организации экспертизы в государственных научных фондах РФ

Собранные данные позволили определить ряд проблем в организации работы научных фондов со своими экспертами. Основная претензия последних заключается в том, что не редки случаи, когда при отрицательном отзыве о заявке на региональном уровне, федеральный даёт противоположную оценку и принимает решение поддержать заявку. Периодически фонд инициирует общие собрания со своими экспертами. На одном из них тем рассогласования оценок между двумя уровнями экспертизы поднималась одним из экспертов: «Например, я говорил о том, что зачем нужно экспертное сообщество в регионе, если эксперты в Москве не смотрят на то, что мы рекомендуем или не рекомендуем. Ведь получается ерунда. Мы здесь не рекомендуем проект. Всё равно он идёт в Москву и там его одобряют» [Информант 2].

Но сложности не ограничиваются только этим. Федеральный уровень не владеет информацией о том, какие требования к проведению конкурсов на региональном уровне. Отсюда возникают трения следующего рода: «Более того, они рекомендовали прогнать и одобрить через нашу экспертную среду Питерцев, Москвичей и других. Мы отвечаем, что даже по положению не можем их финансировать, ведь региональная власть наполовину покрывает размер гранта. В результате, они махнули рукой и сказали, кого Вы поставите, те и будут победителями» [Информант 8]. На наш взгляд, здесь кроется очень серьёзная проблема организации системы научных фондов в РФ. Взаимодействие между двумя уровнями экспертизы имеет асимметрию власти. Региона подчиняются центру, то время от времени приводит к воздействию со стороны

последнего. Как указывает Информант 8, это воздействие приобретает нелегальные формы. Региональным экспертным комиссиям настоятельно рекомендуют принять рассмотрению проекты от заявителей из других регионов.

Следующий вопрос к организации работы научных фондов у экспертов связан с обеспечением анонимности заявок. Принято считать, что если отсутствует фамилия заявителя проекта, то увеличивает вероятность того, что эксперт будет давать более справедливые оценки. Однако это не решает проблему: «Мне неизвестны фамилии, но я могу понять от кого заявка с помощью указанного в заявке списка публикации, ранее поддержанных проектов» [Информант 6]. По сути, анонимность экспертизы поддерживается на зыбких основаниях. Любой эксперт может найти указанную статью в базе научных публикаций или через ЦИТиС [Центр информационных технологий и систем органов исполнительной власти].

Наконец ещё одной выявленной проблемой стали различного рода информационно-коммуникативные барьеры между фондом и экспертами. Мы уже говорил об отсутствии чётких правил оценивания заявок. Дополнительным препятствием выступает отсутствие доступа у эксперта к публикациям заявителя непосредственно на портале фонда: Возможно, нужно обязать экспертов анализировать публикации, не те, которые в «Scopus», а публикации вообще которые есть. Дело в том, что почему-то у нас нет доступа. Вот у меня в моем личном кабинете, в разделе: публикации, все мои публикации вывешены. Я была уверена, что эксперт может с ними ознакомиться, оказывается он с ними ознакомиться не может. У него нет доступа. Эксперты должны посмотреть мои публикации, увидеть уровень ...» [Информант 5]. Складывается парадоксальная ситуация, заявители должны закладывать на портал фонда свои заявки по теме предполагаемого исследования, но эксперты, от которых требуется оценить в том числе научный потенциал аппликанта, не могут ознакомиться с его работами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существующие исследования высшего образования тяготеют к экстерналистским объяснениям трансформаций в современных университетах. В частности, напряжение между образовательной и исследовательской деятельностью в вузах объясняется исходя из массовизации высшего образования и комплексности научных проблем. Причиной появления обоих факторов стали социально-экономические преобразования во многих национальных государствах. В противоположность экстерналистским объяснениям, проведённое исследование фокусировалось на внутренних процессах университетской жизни.

Обзор источников и материалы интервью позволили различить две институциональные логики в современном российском вузе: логика эффективности и логика истины. Первая характеризуется ориентацией на количественные показатели. Согласно ей, уровень высшего образования измеряется с точки зрения места вуза в международных рейтингах. Изначально логика эффективности определяла образовательный процесс в университете. Для контраста, логике истины следуют учёные, заинтересованы в производстве достоверного научного знания. Принципы логики истины распространяются на научно-исследовательскую деятельность университета. Напряжение между образованием и наукой в современном российском университете возникает тогда, когда принципы двух обозначенных логик начинают сталкиваться. Наука начинает оцениваться также как образование. Это приводит к выхолащиванию идеи производства достоверного научного знания. Для сотрудников вуза становится главным иметь публикации. Вопрос об их качестве и месте опубликования становится второстепенным. Более фундаментальным следствием транспонирования принципов эффективности на принципы истины является неразличимость отдельных университетов, как мест по производству научного знания. Это выражается в представленности публикаций сотрудников вуза в журналах, которые издаются в том же университете, где они работают. Как итог, научные результаты вуза получают минимальную огласку в поле науки и других институциональных средах.

Между тем, возможен иной сценарий. Результаты прошлых исследований Центра социологические исследований РАНХиГС при Президенте РФ показали наличие режима микросопротивления («Скоттовский режим») в университетской среде. Согласно экспертным интервью, для сопротивления характерно невыполнение или профанирование формальных обязанностей сотрудниками вуза. В первую очередь,

речь идёт о работе по подготовке различного рода отчётной и сопровождающей учебный процесс документации. Многие сотрудники вуза, как считают информанты, не прилагают усилий для написания УМКД, итогового отчёта по реализации гранта. Как правило, режим микросопротивления характерен для тех, кто в большей степени руководствуется логикой истины. Последняя может периодически распространяться в учебной деятельности. Однако, как правило, мало вероятности того, что её принципы закрепятся в образовательной деятельности. В этом отношении показательна ситуация в российской магистратуре большинства вузов. Слушателям, которым хотят привить навыки исследовательской работы, предпочитают получать полезные навыки для самостоятельной жизни.

Существование двух институциональных логик позволяет из новой перспективы взглянуть на университет. Исторически сложилось, что учёные изучали по большей части специализированные лаборатории и институты и не касались непосредственно генерирования научных идей и фактов внутри университетской среды. Предложенное различие даёт возможность сделать первые попытки по концептуализации университета, как места по производству научного знания.

Далее была рассмотрена организация исследовательской работы академическими сообществами. Для этого мы провели серию экспертных интервью с учёными, активно участвующими в научно-проектной деятельности. По сути, реализация исследовательских проектов стала определённым фильтром по отбору информантов. Концептуальным фундаментом для формирования гайда интервью стали теоретические ресурсы социологии знания и науки. Исследование было разбито на три тематических блока: фокус проблематизации; производство научного знания; трансляция научного знания. Организация исследовательской работы определялась как процесс, который состоит из трёх этапов. Каждый из них характеризуется набором стратегий и тактик, используемых учёными для производства научного знания.

Первый этап касался того, как наводится фокуса проблематизации. На выбор темы исследования влияет множество факторов. Представим их более подробно:

- Научный руководитель может напрямую навязывать свои исследовательские предпочтения в ультимативной форме или постепенно формировать интереса у учёного к своей теме;
- Требования академической институции, где работает исследователь, оказывают влияние на выбор научных интересов. В таких случаях, учёные выстраивают свои отношения с учреждением исходя из четырёх стратегий

поведения: достижение компромисса; первенство личных интересов; приспособление, конфронтация;

- Личный интерес исследователя во многом определяет, какие проблемные области будут изучаться. Отметим, что в отличие от остальных факторов, наличие личного интереса к изучаемой теме указывался многими экспертам, как первичная причина формирования их исследовательских интенций.
- Формальная и неформальная коммуникация с учёными способна определять и изменять область научных интересов.
- Конкуренция выступает одним из основных механизмов кристаллизации научных интересов. Она может иметь различные формы: здоровая конкуренция; ориентация на общее дело; разграничений исследовательских направлений;
- Выбор исследовательской темы зависит от её актуальности, которая может определяться с помощью: мониторинга запросов государства; запросов промышленности; остроты темы для общественности; понимания проблемных лакун в поле науки. Не редки случаи, когда актуальность конструируется самими исследователями.

Второй этап был посвящён производству научного знания. Важно отметить, что в связи с отсутствием доступа к полю, у исследовательского коллектива не было возможности изучить процесс создания научных фактов из миросоциологической перспективы. Поэтому ориентир был направлен на институциональные исследования науки, где поднимались вопросы рекрутинга членов исследовательской команды, делегирование зон ответственности между её членами, планирование и распределение ресурсов, подготовки итоговой отчётности.

Набор членов исследовательского коллектива происходит исходя из формальных требований научных фондов к заявителям. Прежде всего, значение имеют символический капитал руководителя заявки, высокие показатели публикационной активности членов коллектива, представленность молодых исследователей из числа магистрантов и аспирантов. При соблюдении этих индикаторов, по мнению экспертов, повышается вероятность получения гранта на проведение исследования. В зависимости от поставленных задач, члены коллектива играют определённые роли в реализации исследовательского проекта: «Шеф» - занимается написанием заявки, курирует весь процесс по выполнению работы, несёт персональную ответственность; «Скринер» -

преимущественно занимается обзором научной литературы; «Свадебный генерал» - включается в заявку как руководители или исполнитель проекта с целью придать ему больший символический вес; «Организационщик» - занимается координацией исследовательского коллектива, ведёт работы с академическими изданиями и оргкомитетами научных конференций; «Рабочие лошадки» - выполняют, как правило, черновую работу, связанную со сбором эмпирических данных.

Одним из основных барьеров для производства научного знания являются многочисленные барьеры в образовательных и академических учреждениях. Прежде всего, это касается доведения денежных средств от научного фонда через посредничество организации, где работают заявители. Данные интервью артикулируют здесь следующие проблемы: взимание процента от суммы гранта институцией при условии, даже когда исследователь не пользуется её оборудованием и помещениями; требование от организации, где работает исследователь, дополнительной отчётности о ходе реализации проекта; задержки в выплатах грантовых денег.

Наконец третий блок был посвящён трансляции произведённого научного знания, как внутри академического мира, так и за его пределы. Было установлено, что самым эффективным способом распространения информации о новых идеях и фактах являются академические журналы. Почти все наши информанты предпочитают иметь публикации в журналах, которые, что называется в «пошаговой доступности». К ним относятся издания, которые выпускаются в той институции, где работают наши информанты, или в которых им знакомы члены редколлегии. Основное преимущество от опубликования в таких журналах, по мнению информантов, касается оперативности. Чем быстрее появиться статья, тем меньше проблем для итоговой отчётности по гранту или подготовки документов для избрания по конкурсу на замещение педагогических и научных должностей. В свою очередь, публикация в журналах с высоким импакт-фактором повышает вероятность того, что статью прочитают. Для многих информантов это очень престижно. Однако, у них существует сомнения насчёт справедливости процедуры рецензирования в таких журналах, а также потенциальных авторов отпугивают высокие требования редколлегий к качеству научных статей. Наконец, если говорить о трансляции полученных результатов во внешние от науки институциональные среды, то большинство информантов смутно представляют как добиться того, чтобы из идеи и заключения были адекватным образом восприняты политиками и предпринимателями. Одним из наиболее эффективных каналов коммуникации могут быть социальные сети и научно-популярные сайты. Однако,

нельзя сказать о том, что учёные сильно заинтересованы в том, чтобы распространять по ним информацию о своих открытиях. Социальные сети и научно-популярные ресурсы полезны, но в первую очередь для того, чтобы сделать себе имя именно в академической среде.

Еще один фокус НИР был направлен на изучение экспертизы заявок на получение грантовой поддержки. Информантами интервью выступили эксперты региональных и федеральных комитетов Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), Российского научного фонда (РНФ). Исследование показало, что, несмотря на наличие формальных критериев оценивания заявок (актуальность исследования, новизна и др.) у экспертов нет чёткого понимания насчёт того, какая работа действительно является уникальной и в ней присутствует «новое слово» для науки. Поэтому возникают многочисленные интерпретации актуальности и новизны работы, что не позволяет оценивать проекты по единым принципам. Более того, ситуацию ещё больше усложняют эпистемологические и дисциплинарные пристрастия экспертов. Многие судят об уровне заявки исходя из своих теоретических и методических предпочтений. Наконец, острой проблемой экспертизы является «конфликт интересов». Наиболее сильно она выражена в региональных экспертных комиссиях. Так, многие региональные комитеты не следуют прямым предписаниям научных фондов проводить экспертизу определённым образом, а предпочитают изобретать новые правила процедуры оценки. Например, на региональном уровне не существует разделения на тех, кто пишет отзыв на проект и тех, кто его потом обсуждают. Согласно полученным данным, один эксперт выполняет эти две задачи. Следующая проблема региональных комитетов связана с узостью поля науки, в котором они находятся. В регионах складывается ситуация, когда заявители и эксперт знакомы друг другу. Существует также ряд проблем, касающихся отношений между региональным и федеральным уровнями принятия решения насчёт поддержки заявок. Не редки случаи, когда регион даёт отрицательное заключение поддержать проект, а федеральная экспертная комиссия всё равно его одобряет. В результате усиливается общее недоверие, как к самой системе стимулирования научной деятельности, так и к экспертам.

В целом, производство научного знания определяется исходя из архитектуры поля науки. Исследователи, в первую очередь, полагаются на собственные стратегии и тактики для беспрепятственного проведения своих исследований и трансляции их результатов внутри академической среды. Чаще всего, успех в науке связан с

неформальными отношениями, которые существуют между учёным и игроками влияния: лидер научной школы, редколлегия научного журнала, эксперты научных фондов. Более того, содержание научного второго продукта может вообще отходить на второй план. Значение приобретает способы организации научной работы: выбрать актуальную тему, сколотить исследовательский коллектив, грамотно распределить обязанности и своевременно опубликовать результаты. Важно не то, насколько научно производимое знание, а то насколько его производство соответствует правилам академической жизни. Исследование показало, что большинство информантов слабо заинтересовано в трансляции своих научных результатов за пределы академического мира. Возможно, это как раз связано с тенденцией, когда уделяется акцент на организации научной работы, а не её содержания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» (Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599)
- 2 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие науки и технологий" на 2013 - 2020 годы» (Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 301 г.)
- 3 «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технического комплекса России на 2014 – 2020 годы» (Постановление Правительства Российской Федерации от 21 мая 2013 г. № 426)
- 4 Bourdieu P. Homo Academicus. Stanford: Stanford University Press, 1988.
- 5 Вахштайн В. К социологии академического мира // Социология власти. - №27(3). - 2015. – С. 8-12.
- 6 Hempel C. Philosophy of Natural Science. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1966.
- 7 Schaffer S. Physics Laboratories and the Victorian Country House // in C. Smith & J. Agar (eds), Making Space for Science: Territorial Themes in the Shaping of Knowledge. London: Macmillan, P. 149 – 180.
- 8 Shapin, S. Here and Everywhere: Sociology of Scientific Knowledge // Annual Review of Sociology. - № 21, - 1995. – P. 289–321.
- 9 Henke C., Gieryn T. Sites of Scientific Practice: The Enduring Importance of Place // The Handbook of Science and Technology Studies. Third Edition. (eds. by Hackett E., Amsterdamska O., Lynch M., Wajcman J.), 2007. – P. 353 – 376.
- 10 Collins H. The TEA Set: Tacit Knowledge and Scientific Networks // Science Studies. №4. 1974. P.165–186.
- 11 Latour B. Give Me a Laboratory and I Will Raise the World // Knorr Cetina & M. Mulkay (eds), Science Observed: Perspectives on the Social Study of Science. London: Sage, 1983. – P.141–170.
- 12 Bennett J. Projection and the Ubiquitous Virtue of Geometry in the Renaissance // Making Space for Science: Territorial Themes in the Shaping of Knowledge Smith C., Agar J. London: Macmillan, 1998. – P. 27–38.
- 13 Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. Отечественные записки, 2 (3), 2002 – [Интернет-доступ: <http://www.strana-oz.ru/2002/2/missiya-universiteta>].
- 14 Ясперс К. Идея университета. Минск: БГУ, 2006.

- 15 Neumann, B. Perceptions of the teaching-research nexus: A framework for analysis // Higher Education. – 1992. - 23 (2). – P. 159-171.
- 16 Webster D. Research productivity and classroom teaching effectiveness // Instructional Evaluation. – 1986. - №9. – P. 14-20.
- 17 Braxton J. Contrasting perspectives on the relationship between teaching and research // New Directions for Institutional Research. – 1996. - № 90. P. 5 – 14.
- 18 Sullivan A. V. S. (1996). Teaching norms and publication productivity // New Directions for Institutional Research. – 1996. - № 90. – P. 15-21.
- 19 Blackburn R. The meaning of work in academia / Assessing faculty effort, J. I. Doi (eds.) // New Directions for Institutional Research. – 1974. - № 2. – P. 75 – 99.
- 20 Marsh H. Students' evaluations of university teaching: Research findings, methodological issues, and directions for further research // International Journal of Educational Research. - № 11. – 1987. – P. 253-388.
- 21 Ramsden P., Moses I. Association between research and teaching in Australian higher education // Higher Education. – 1992. - № 23 (3). – P. 273-295.
- 22 Clark B. The Modern Integration of Research Activities with Teaching and Learning // The Journal of Higher Education. – 1997. - № 68 (3). P. 241 – 255.
- 23 Trow M. Problems in the Transition from Elite to Mass Higher Education. Policies for Higher Education. Paris: OECD, 1974. – P. 55 – 101.
- 24 Gibbons M. (eds. by) The New Production of Knowledge. The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies. SAGE Publications, 1994.
- 25 Гумбольдт К. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас, №2 (22), 2002. – [Интернет-доступ: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/gumb.html>].
- 26 Миттельштрасс Ю. Будущее науки и настоящее университета // Логос. - №1 (91). - 2013. – С. 100 – 121.
- 27 Шнедельбах Г. Университет Гумбольдта // Логос. – 2002. - №5-6. – С. 1-14.
- 28 Holmes F. The Complementarity of Teaching and Research in Liebig's Laboratory // (eds. by K. Olesko) Science in Germany: The Intersection of Institutional and Intellectual Issues. Philadelphia: History of Science Society, 1989. – P. 121 – 164.
- 29 Barnett R. (eds. by) Reshaping the University. New Relationships between Research, Scholarship and Teaching. Open University Press, 2005.

- 30 Brew A., Boud D. Teaching and research: establishing the vital link with learning // Higher Education. – 1995. - № 29. – P. 261–273.
- 31 Ростиславлева Н. Историческая рефлексия наследия В. Фон Гумбольдта // Вестник РГГУ. Серия «Историография». – 2009. - №4. – С.79 – 90.
- 32 Ash M., Söllner A. (eds. by) Forced Migration and Scientific Change: Emigre German-Speaking Scientists and Scholars after 1933. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- 33 Грундманн Р., Штер Н. Власть научного знания. СПб: Алетейя, 2015.
- 34 Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- 35 Вебер М. Наука как призвания и профессия. Ю.Н. Давыдов (ред.) Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. – P. 707 – 735.
- 36 Geiger R. To Advance Knowledge: The Growth of American Research Universities, 1900 – 1940. New-York: Oxford University Press, 1986.
- 37 Chomsky N. (et al.) The Cold War & the University: Toward an Intellectual History of the Postwar Years. New-York: New Press, 1997.
- 38 Салми Д., Фрумин И. Российские вузы в конкуренции университетов мирового класса // Вопросы образования. – 2007. - №3. – С. 5 – 45.
- 39 Meadows D. (et al.) The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. New-York: Universe Books, 1972.
- 40 Scott P. The Meaning of Mass Higher Education. Open University Press, 1995.
- 41 Ридингс Б. Университет в руинах. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2010.
- 42 Вахштайн В. Две модели образовательных систем // Прогнозис: Журнал о будущем. – 2006. - №3 (7). – С. 321 – 352.
- 43 Enders J. Higher Education, Internalization, and the Nation-State: Recent Developments and Challenges to Governance Theory // Higher Education. – 2004. - № 47 (3). – P. 361-382.
- 44 Бок Д. Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования. М.: Изд. Дом Высшая школа экономики, 2012.
- 45 Bennet D. Assessing Quality of Higher Education // Liberal Education. – 2001. - № 87 (2). – [Интернет доступ: <https://www.aacu.org/publications-research/periodicals/assessing-quality-higher-education>].

- 46 Железов Б. Кудюкин П., Шувалова О. Эффективность системы образования: взгляд потребителя образовательных услуг. Вопросы образования. – 2009. - № 2. – С. 187 – 210.
- 47 Nair, C. S., Webster, L., & Mertova, P. (eds. by) Leadership and Management of Quality in Higher Education. Oxford, UK: Chandos Publishing, 2010.
- 48 Mitchell M. The process of department leadership // Review of Higher Education. – 1987. - № 11. – P. 161–176.
- 49 Hall C., Swart W., Duncan S. Balancing Customer Needs and Standards in Higher Education // Quality Approaches in Higher Education. – 2012. - № 3 (1). – P. 2-7.
- 50 Felder R. The Effective, Efficient Professor // Chemical Engineering Education. – 2002. - № 36 (2). – P. 114 – 115.
- 51 Мешкова Т. Качество преподавания как неотъемлемая часть культуры качества в вузе // Вопросы образования. – 2010. - №3. С. 115 – 134.
- 52 Козьмина Я. Предпочтения преподавателей вузов относительно научной деятельности и преподавания // Вопросы образования. – 2014. - №3. – С. 135 – 151.
- 53 Соколов М. Социология как чудо. Процесс sense-building в одной академической дисциплине // Социология власти. – 2015. - №27 (3). – С. 13– 57.
- 54 Латур Б. Наука в действии: следуя за учёными и инженерами внутри общества. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
- 55 Collins H., Pinch T. The Construction of the Paranormal: Nothing Unscientific is Happening // R. Wallis (eds.). On the Margins of Science: The Social Construction of Rejected Knowledge. Sociological Review Monograph. – 1979. - № 27. – P. 237–270.
- 56 Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования на 2013 – 2020 годы (Утверждена Министерством образования и науки РФ 24 мая 2013 г.).
- 57 «О федеральной целевой программе развития образования на 2006 – 2010 годы» (Постановление Правительства РФ от 23 декабря 2005 г. № 803).
- 58 «Об осуществлении мониторинга системы образования» (Постановление Правительства Российской Федерации от 5 августа 2013 года №662).
- 59 Кинчарова А. Мировые рейтинги университетов: методология, эффекты и критика. СПб, Томск: ЕУ, PAST-CENTE. Препринт, 2013.
- 60 Светлов К. Филиал САФУ в Северодвинске: кузница кадров для судостроения и ОПК // Правда Севера, 2015, 20 мая. – [Интернет-доступ: <http://pravdasevera.ru/life/-91hug3m2>].

- 61 Арктическая кузница для нефтегаза // Деловая Россия: промышленность, транспорт, социальная жизнь. – 2011. – 8. С. 16 – 17.
- 62 Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». – [Интернет-доступ: <http://base.garant.ru/135916/>].
- 63 Вахштайн В. Университет замедленного действия. Как измерить степень политического присутствия в российском университете // Радио Свобода, 2014. – [Интернет-доступ: <http://www.svoboda.org/content/article/25287349.html>].
- 64 Магун А., Семёнов А. Российская магистратура в поисках собственного места в системе образования // Материалы конференции «Магистерское образование в России и мире: принципы, опыт, проблемы», 2015.
- 65 Перспективы: быть социологом. Интервью с Виктором Вахштайном. ПостНаука. - 2012. - 15 ноября. – [Интернет-доступ: <http://postnauka.ru/tv/6572>].
- 66 Мосунов А. О сокращении магистратур и аспирантур // Эхо Москвы. – 2014. - 12 июля. – [Интернет-доступ: <http://echo.msk.ru/blog/amosunov/1358244-echo/>].
- 67 Контрольный удар по вузам // S&TRF. Наука и технологии РФ.- 2009. - 24 декабря. – [Интернет-доступ: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=26432#.Vh5qO-ztmko].
- 68 Д. Ливанов – ректорам: не умеете – научим, не хотите – заставим // S&TRF. Наука и технологии в РФ. 2014. - 11 июля. – [Интернет-доступ: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=81840#.Vh5pouztmko (дата обращения: 10.09.2015)].
- 69 Маяцкий М. Университет называется // Логос. 2013 - №1 [91]. – С. 4 – 17.
- 70 Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. Princeton University Press, 1979.
- 71 Knorr-Cetina K. The manufacture of knowledge: An essay on the constructivist and contextual nature of science. Oxford: Pergamon Press, 1981.
- 72 Lynch M. Art and Artifact in laboratory science. A study of shop work and shop talk in a research laboratory. London, Boston: Routledge & Kegan Paul, 1985.
- 73 Вахштайн В. Метафоры и метаморфозы университета // Культиватор. – 2012. - №3. - С. 20 – 30.
- 74 Грундманн Р., Штер Н. Власть научного знания. СПб: Алетейя, 2015.
- 75 Программа развития БФУ имени И. Канта. – [Интернет-доступ: https://www.kantiana.ru/federal/programm_bfu/program_bfu.pdf].

76 Crane D. Reward Systems in Art, Science and Religion // American Behavioral Scientist. – 1976. - №19. – P. 719–735.

77 Положение об академических надбавках федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – [Интернет-доступ: <http://www.hse.ru/science/scifund/bonus-of>].

78 Премия Президента РФ для молодых учёных в области науки и инноваций. – [Интернет-доступ: <http://youngscience.ru/pages/main/awards/prize/5109/index.shtml>].

79 Chubin D., Hackett E. Peerless Science: Peer Review and U.S. Science Policy. Albany: State University of New York Press, 1990.

80 Langfeldt L. Expert panels evaluating research: decision-making and sources of bias // Research Evaluation. – 2004. - №13(1). - P. 51-62.

81 Langfeldt L. The policy challenges of peer review: managing bias, conflict of interests and interdisciplinary assessments // Research Evaluation. – 2006. - №15(1). – P. 31-41.

82 Merton R. The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. Chicago: The University of Chicago Press, 1973.

83 McCullough, J. First comprehensive survey of NSF applicants focuses on their concerns about proposal review // Science, Technology, & Human Values. – 1989. - №14. – P. 78-88.

84 Langfeldt L., Kyvik S. Researchers as evaluators: tasks, tensions and politics // High Education. – 2011. - №62. – P. 199 – 212.

85 Батыгин Г.С. «Эффект Матфея»: накопленное преимущество и распределение статусов в науке // Ведомости / Тюменский государственный нефтегазовый университет. НИИ прикладной этики. - 2001 - С. 173 – 185.

86 Bonitz M., Bruckner E., Scharnhorst A. Characteristics and Impact of the Matthew Effect for Countries // Sociometrics. - 1997. - TraVol. 40 (3). - P. 407 – 422.

87 Abramo G., D'Angelo C.A., Caprasecca A. Allocative efficiency in public research funding: Can bibliometrics help? // Research Policy. – 2009. - №38. – P. 206 – 215.

88 Abramo G., D'Angelo C.A., Di Costa F. National Research Assessment Exercises: A Comparison of Peer Review and Bibliometrics Rankings // Sociometrics. - 2011. - №89. – P. 929 – 941.

89 Travis G., Collins H. New light on Old Boys: Cognitive and Institutional Particularism in the Peer Review System // Science, Technology and Human Values. - Vol. 16 (3). – 1991. – P. 322 – 341.

90 Шефф Т. Академические банды. – [Интернет-доступ: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/scheff.htm>].